

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РУБИНШТЕЙН А.Я.
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА
И ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Москва
июнь 2026

Рубинштейн А.Я. Культурная политика государства и теория общественного выбора (Препринт научного доклада) – М., ИЭ РАН, 2026. – 70 с.

Аннотация. В докладе исследуется эволюция государственной культурной политики в условиях кризиса идентичности и изменений в структуре потребления культурных благ. Автор обосновывает необходимость смены парадигмы: от «отраслевого подхода», рассматривающего культуру как сферу услуг и затратную статью бюджета, к пониманию ее в качестве продукта гуманитарного сектора и стратегического ресурса развития человеческого капитала и «смысловой матрицы» общества, определяющей социальную солидарность и устойчивость государства. Теоретическую рамку исследования образует системный подход, в рамках которого государство представлено в качестве институциональной метасистемы «власть–бизнес–гражданское общество». На основе анализа доминирования одного из ее элементов выделены три модели государственного управления (рыночная, делиберативная, автократическая) и показано их сопряжение с известными моделями культурной политики («вдохновитель», «патрон», «архитектор», «инженер»). Особое внимание уделяется анализу российской практики, где сложился институциональный гибрид «инженера-архитектора», сочетающий декларации о поддержке культурного разнообразия с жестким административным контролем и идеологическими фильтрами. Ключевой результат работы связан с применением теории общественного выбора и анализом его деформаций: факторы политической монополии, информационной асимметрии, бюрократической экспансии. Выявлены причины устойчивого недофинансирования и воспроизводства административной зависимости организаций культуры – феномен «бюджетной ловушки». В качестве методологической альтернативы поиску недостижимого оптимума («первое лучшее») предлагается стратегия «второго лучшего», ориентированная на управление дисбалансами и минимизацию наиболее острых деформаций. В результате эмпирических расчетов на примере четырех отраслей гуманитарного сектора – наука, образование, культура, здравоохранение и отдельно группы театров, обоснованы пороговые условия бюджетного финансирования, являющиеся частью предложенного «алгоритма выхода» из «бюджетной ловушки», которые позволяют снизить административную зависимость учреждений культуры. Делается вывод, что эффективность культурной политики в современных условиях определяется не абстрактным равновесием, а способностью государства формировать прозрачные институты и корректировать деформации общественного выбора.

Ключевые слова: культурная политика, государство, государственное управление, институциональный гибрид, институциональные деформации, общественный выбор, человеческий капитал, «болезнь издержек», финансирование культуры, теория бюрократии, принцип «второго лучшего».

ЖЕЛ-классификация: Z18, H50, D72, D73

СОДЕРЖАНИЕ

О ПРЕДПОСЫЛКАХ

Часть 1.

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

- 1.1. Государство и государственное управление
- 1.2. Модели культурной политики
- 1.3. Институциональный гибрид

Часть II.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ОПТИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

- 2.1. Общественный выбор, стратегия «второго лучшего»
- 2.2. От бюджетной ловушки к принципу эквивалентности
- 2.3. Ментальный прогресс, экономическая оценка

Часть III.

ПОРОГОВЫЕ УСЛОВИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

- 3.1. Театры российских регионов
- 3.2. Московские театры
- 3.3. Гуманитарный сектор

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

О ПРЕДПОСЫЛКАХ

Настоящий доклад подготовлен в рамках заключительного этапа выполнения государственного задания «Патерналистское государство и гражданское общество: теория, методология, измерения» (раздел Гуманитарный сектор экономики). Указанное исследование продолжает цикл работ, представленных в монографиях: «Экономическая теория государства» (2020), «Гуманитарный сектор патерналистского государства» (2023), «Общая теория опекаемых благ» (2024), «Экономика творческого труда и финансовая архитектура гуманитарного сектора» (рукопись, 2026). Результаты исследования апробированы в докладах на Ученых советах Института экономики РАН, международных и российских конференциях в 2025–2026 гг.¹, что составило теоретическую и методологическую основу настоящей работы.

¹*Рубинштейн А.Я.* О новой парадигме государства и теории государственного управления (доклад) / XXV Ясинская (апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества - 17 апреля 2025 г.; *Рубинштейн А.Я.* О новой экономической теории государства (доклад) / Юбилейная научная конференция посвящена 95-летию Института экономики. Пленарное заседание - 23 июня 2025; *Рубинштейн А.Я.* Релятивистские основания теоретической экономики (доклад) / VII Всероссийский социологический конгресс - 15 ноября 2025 г.; *Рубинштейн А.Я.* О новой модели рыночного равновесия (доклад) / Международная конференция «Другой канон: теория и практика экономического развития» - 4 декабря 2025 г.; *Рубинштейн А.Я.* Релятивистские основания общей концепции равновесия (Препринт научного доклада) – М., ИЭ РАН, 24 февраля 2026 г.; *Рубинштейн А.Я.* Государство и рынок в оптике методологического релятивизма (доклад) / Ясинская (апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества - 14 апреля 2026 г.; *Рубинштейн А.Я.* Экономическая теория государства в оптике методологического релятивизма (доклад) / XII Европейско-азиатский симпозиум по экономической теории: «экономическая теория: навстречу новой архитектуре мирового сотрудничества» - 24 июня 2026 г

В цифровую эпоху фрагментации общества, размывания традиционных ценностных ориентиров и изменений в структуре потребления культурных благ одной из фундаментальных задач экономической науки становится переосмысление роли культуры. Ее решение осложняется привычным доминированием в управленческой практике «отраслевого подхода», рассматривающего культурную деятельность лишь как организацию досуга населения и сохранение культурного наследия. При этом в конце XX и начале XXI столетия в самой науке многое изменилось. Появление широкого пласта работ, представляющих культуру принципиально в ином свете², обуславливает необходимость перестройки существующей системы государственного управления и трансформации культурной политики государства – это *первая причина*, подтолкнувшая возвращение автора к указанной проблематике.

Исследование именно таких изменений является центральным сюжетом настоящего доклада, исходной точкой которого послужила давняя работа канадских ученых, выделивших четыре модели культурной политики: «вдохновитель», «патрон», «архитектор», «инженер» [Chartrand, McCaughey, 1989]. Не полностью соглашаясь с подобным списком, автор обсуждал его непосредственно с Гарри Чартрандом, на конгрессе «Международной ассоциации экономики культуры» в 1990 году (Умео, Швеция)³. Подробный анализ этих моделей культурной политики представлен в авторской монографии «Введение в экономику исполнительского искусства» [Рубинштейн, 1991] и в совместном докладе с Вильямом и Хильдой Баумоль на том же конгрессе [Rubinstein, Baumol, Baumol, 1992].

² Речь идет об известных работах зарубежных исследователей [Hofstede, 2001; Inglehart, 2005, 2013] и российских ученых [Полтерович, 2007; Аузан, 2017, 2022; Аузан, Брызгалов, Никушина, Ставинская, 2025], рассматривающих культуру как один из ключевых факторов, формирующих институциональную среду.

³ Благодаря любезному приглашению Вильяма Баумоля выступить с совместным докладом, в том году автор впервые принял участие в работе этого мирового конгресса.

Исследовательская работа в данном направлении продолжилась и в более поздних российских исследованиях [Астафьева, 2011а; Востряков, 2011]. Надо сказать также, что проблематика культурной политики по сей день остается актуальной и присутствует в многочисленных работах зарубежных и отечественных экономистов, культурологов, политологов и философов [Александрова, 2011; Астафьева, 2011b, 2024; Куренной, 2012; Каменец, 2015; Востряков, 2012, 2024].

Второй причиной, которая определила вектор настоящего исследования, стала сложившаяся ситуация вокруг неугасающего интереса ученых различного профиля к проблемам культуры. Речь идет о научном дискурсе, в котором сохраняется известный разрыв между декларативными целями и реальными механизмами их реализации. Найти ответы на этот вопрос в отрыве от анализа системы государственного управления, элементом которой и является культурная политика, просто невозможно. Попытки ее решения автор связывает с результатами предыдущего исследования «Релятивистские основания новой модели рыночного равновесия», в котором была предложена новая методология построения системы государственного управления [Рубинштейн, 2026b].

В этой связи полезным является комплексный подход, опирающийся на новое понимание категории государства, позволяющее рассматривать его как сложную самоорганизующуюся институциональную систему, включающую власть, бизнес и гражданское общество. Каждый из элементов данной триады обладает собственными интересами, обуславливая принципиально новое содержание государственного управления – в виде процесса определения целей государства и механизмов их достижения. Это *третья причина*, определившая основную направленность и логику настоящего научного доклада, включая анализ сопряжения моделей культурной политики и государственного управления в контексте Теории общественного выбора.

Сама же эта теория, как известно, оформилась в качестве самостоятельного научного направления в середине XX века [Buchanan, Tullock, 1962]. Спустя еще полстолетия она стала концептуальным фундаментом Новой политической экономики [Алесина, 2006], согласно которой процесс целеполагания следует рассматривать в оптике неоднородности и конфликтности интересов разных групп, обуславливающих «провалы» общественного выбора. С учетом этого можно назвать и *четвертую причину* – целесообразность применения принципа «второго лучшего», обоснование которого предложено автором в его важнейшей работе последних трех лет⁴.

Данный принцип позволяет отказаться от поиска абстрактного идеала и сосредоточиться в сфере культурной политики на субоптимальных институциональных решениях. Ключевой в этом случае становится проблема выбора между доступными, хотя и несовершенными, вариантами культурной политики, направленными на минимизацию дисбалансов, представляющих угрозу для сферы культуры. Раньше этим автору не приходилось заниматься, что вызвало дополнительный интерес и определило соответствующую мотивацию. В данном контексте принципиальное значение приобретает совершенно «новый результат», полученный в процессе подготовки настоящего доклада и ставший в определенной степени неожиданностью.

Узнав от Вильяма Баумоля еще много лет назад о «болезни издержек», распространяя это знание в своих статьях и книгах, среди своих коллег, студентов в МГУ и Школе-студии МХАТ⁵, автор обнаружил, что данная закономерность, кроме ее объясняющей мощи бюджетных субсидий организациям

⁴ См.: Научный доклад на Ученом совете Института экономики РАН в феврале 2026 г. [Рубинштейн, 2026a]

⁵ Первые статьи автора, посвященные баумолевской «болезни издержек» были опубликованы в ведущем американском журнале «Journal of Cultural Economics» в 1987 и 1992 годах [Rubinstein, 1987, 1992]. Эта проблематика оставалась и остается в центре внимания автора во многих публикациях, включая монографии и учебники, посвященные проблемам экономики культуры [Рубинштейн, 2008, 2010, 2018, 2022] и гуманитарного сектора [под ред. Рубинштейн, 2023].

культуры, в некоторых случаях, как оказалось, вызывает и негативные последствия. Речь идет о специфическом феномене культурной деятельности – «бюджетной ловушке», который стал «пятой причиной». Важной частью доклада стало не только описание указанного феномена, но и создание экономического инструментария выхода из этой неприятной институциональной ситуации.

Размышления на данную тему вернули автора к объективным причинам «болезни издержек» – отставанию производительности организаций культуры, обуславливающему их экономическую недостаточность. Такая ситуация обострила внутренний конфликт автора – между пониманием обоснованности баумолевской закономерности и уверенностью в огромной роли культуры и искусства в развитии общества и его экономики. Именно данное противоречие стало *шестой причиной*, определившей энергетику исследований автора последних лет в области экономики гуманитарного сектора. Полученный в рамках этих исследований фундаментальный теоретический результат, связанный с обоснованием «принципа эквивалентности», судя по всему, станет важнейшим инструментом современной политики государства в отношении всего гуманитарного сектора.

В целом же в настоящем докладе обсуждается ряд проблем: систематизация теоретических моделей государственного управления и сопряженных с ними моделей культурной политики; выявление институциональных деформаций, возникающих в процессе управления культурой в условиях автократической доминанты; механизмы общественного выбора, консервирующие неэффективные практики финансирования культуры; стратегия «второго лучшего» как альтернатива поиска абстрактного оптимума в культурной политике; «пороговые условия», обеспечивающие выход из бюджетной ловушки и снижение административной зависимости организаций культуры.

Отдельно нужно сказать об эмпирической, третьей части доклада, в которой протестированы разработанные теоретические конструкции на примере средних показателей деятельности театров для определенной выборки российских регионов (2015–2019 гг.), а также для каждого театра в отдельности, стационарированных в Москве (2015 г.), и в целом по всем отраслям гуманитарного сектора в 2015 и 2023 годах. Оценивая общие результаты выполненных расчетов, следует подчеркнуть их «приблизительный характер». С учетом этого результаты эмпирического анализа имеет смысл рассматривать исключительно с позиций тестирования предложенной методологии исследования.

* * *

В заключение хочу выразить свою искреннюю признательность А.А. Аузану, А.М. Марголину, В.М. Полтеровичу и И.И. Смотрицкой за очень полезные замечания, позволившие улучшить эту важную для меня работу.

Часть I

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Для адекватного анализа роли культуры, механизмов формирования и реализации культурной политики в новое время необходим выход за узкие границы ведомственного подхода. В современном мире культура представляет собой интегральную характеристику общественной жизни, пронизывающую все уровни социального взаимодействия. В этой связи представляется необходимым системный подход, в соответствии с которым государство рассматривается как сложная, самоорганизующаяся метасистема.

1.1. Государство и государственное управление

Для построения на основе такого понимания теоретической конструкции государства в данном исследовании используется его парадигма, представленная в прежних работах автора: «Государство – это социальная целостность, функционирующая на определенной территории в форме институциональной метасистемы «власть – бизнес – гражданское общество» [Рубинштейн, 2024b, с.197; 2025, с.35]. Каждая из этих трех компонент обладает собственной природой, логикой функционирования и специфическими ресурсами, причем их изолированное существование в принципе невозможно. Подобное определение государства отражает созвучный Фридриху Хайеку механизм «институционального уравнивания» влияний власти, бизнеса и гражданского общества.

«Власть» представляет собой институционализированную способность к принятию решений и контролю за их исполнением. Это сфера правового нормотворчества, стратегического планирования и администрирования. «Бизнес», охватывая процессы производства, распределения, обмена и потребления благ, характеризует базовую инфраструктуру общества, обеспечивающую его экономические ресурсы. «Гражданское общество» – сфера спонтанной самоорга-

низации свободных индивидов, пространство негосударственных инициатив, являющихся генератором социальных инноваций, хранителем повседневных норм и ценностей, а также одним из главных «потребителей» и интерпретаторов культурных смыслов.

Взаимодействие указанных компонент метасистемы носит противоречивый характер. Они находятся в состоянии перманентного напряжения и взаимного влияния. В рамках данной парадигмы такая институциональная триада неизбежно детерминирована устойчивыми дисбалансами и периодическим формированием «доминант» в социальной организации государства. Под доминантой здесь понимается элемент метасистемы, влияние которого на определенном историческом отрезке становится преобладающим, подчиняющим себе логику развития двух других, что, собственно, и является главной причиной формирования или роста общей социально-экономической несбалансированности. Приведенные ниже модели управления описывают «предельные случаи» распределения влияния внутри указанной институциональной триады, к которым в разной степени приближается государство⁶.

Рыночная модель формируется в условиях институционального доминирования механизмов конкурентного рынка при сопутствующем ослаблении регуляторного и перераспределительного функционала власти. Деятельность ее органов ограничивается статусом «ночного сторожа», чья миссия сводится к техническому устранению «провалов рынка» (защита прав собственности, обеспечение конкуренции и т.п.) и обеспечению правовой базы для свободной конкуренции. Реализация целей общественного выбора осуществляется не посредством прямых административных команд, а преимущественно через рыночные инструменты (налоги, процентные ставки по кредитам, субсидии). В

⁶ Подробнее об этом см.: Рубинштейн А.Я. Релятивистские основания общей концепции равновесия (Препринт научного доклада) – М., ИЭ РАН, 2026. – с. 53-54.

подобных условиях предполагается максимально высокая степень автономности экономических агентов и минимальное прямое вмешательство государства в распределительные процессы, что одновременно чревато рисками недофинансирования социально полезных благ.

Делиберативная модель является результатом качественного усиления роли организаций гражданского общества, которое выступает основным драйвером институциональных изменений и источником легитимности. Власть в данных условиях утрачивает монополию на принятие стратегических решений, оказываясь в плотной системе сдержек и противовесов, выстроенной самоуправляемыми субъектами гражданского общества. Процессы целеполагания происходят при инклюзивном и постоянном участии представителей общественных организаций на всех уровнях управления – от муниципального до федерального. Механизм принятия решений приобретает ярко выраженный коллективный характер. В условиях делиберативной системы государственного управления, предполагающей определенную сбалансированность влияния элементов метасистемы, взаимодействие власти и гражданского общества переходит в диалоговый режим, направленный на достижение широкого консенсуса в вопросах социально-экономического развития, что может одновременно замедлять принятие решений в кризисных ситуациях.

Авторитарная модель характеризуется предельной концентрацией влияния и ресурсов в руках одной политической силы (партии, коалиции, лидера), что ведет к системной деформации и подавлению самостоятельных рыночных и гражданских институтов. Органы власти выступают здесь как доминирующий субъект, ограничивающий экономические свободы, гражданские права и автономию общественных организаций. Процесс формирования и реализации целей общественного выбора подменяется стратегическими установками правящей группы. Управленческая вертикаль подавляет многообразие

связей, включая обратную связь, в результате чего все сферы жизни общества оказываются в зависимости от решений правящих групп (Табл. 1).

Табл. 1. Доминантные модели государственного управления

КРИТЕРИЙ	РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ	ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ	АВТОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ОСНОВА СИСТЕМЫ	Доминирование конкуренции и минимум вмешательства государства	Отсутствие доминант; относительный баланс влияния власти, бизнеса и гражданского общества	Концентрация всей власти и ресурсов в руках одной правящей группы
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА	Защита прав собственности и обеспечение правовой стабильности	Постоянный диалог и поиск консенсуса между всеми субъектами	Централизация управления и ограничение рыночных механизмов
ПРЕИМУЩЕСТВА	Высокая степень экономической свободы	Повышенная инклюзивность принимаемых решений	Быстрая мобилизация ресурсов
РИСКИ И НЕДОСТАТКИ	Недофинансирование социально полезных благ	Снижение оперативности управления, необходимость согласований	Экономическая неэффективность, застой и ограничение гражданских свобод

Подобный взгляд на государство и систему государственного управления позволяет анализировать культурную политику с иных позиций, преодолевая упрощенное представление о ней как исключительно о директивном воздействии «сверху вниз», и обнаруживая сложную сеть обратных связей, конкуренции и кооперации. В этом контексте традиционное восприятие культурной политики в духе «поддержки» государством сферы культуры – бюджетного финансирования исполнительских искусств, охраны памятников культурного наследия или других культурных мероприятий – обнаруживает свою теоретическую и практическую несостоятельность.

Во-первых, как показывает теория общественного выбора, в действиях государства преобладают не альтруистические мотивы, а стремление бюрократических структур к максимизации собственного влияния и бюджетов, хотя полностью отрицать наличие отдельных просоциальных инициатив также не

следует. Во-первых, нет никаких оснований «подозревать» государство в его альтруистических намерениях и благотворительности. Во-вторых, культура не является внешней надстройкой или простым дополнением экономики. Она представляет собой глубинный слой социальной реальности, в котором формируются базовые ценности, смыслы и идентичности. От того, какие смыслы доминируют в культурном пространстве, зависит доверие и сплоченность в обществе, его готовность к модернизации и способность к воспроизводству человеческого капитала высокого качества. Культурная политика есть не что иное, как «политика смыслов», определяющая долгосрочную устойчивость государства и общества в целом.

1.2. Модели культурной политики

В современной парадигме государственного управления культурная политика претерпела фундаментальные изменения, перейдя от «субсидируемого патронажа» к статусу стратегического инструмента социально-экономического развития. Подобный сдвиг был обусловлен конвергенцией экономических вызовов и социальных трансформаций, что потребовало комплексного, междисциплинарного осмысления управления культурой.

С момента выхода в свет монографии «Введение в экономику исполнительского искусства» [Рубинштейн, 1991] прошло уже много лет, что позволяет взглянуть на модели культурной политики в оптике современной науки, рассмотрев их нынешние особенности. Так, модель «вдохновителя» оперирует косвенными налоговыми преференциями и стимулами, что обеспечивает диверсификацию источников финансирования, однако не гарантирует поддержки высоких художественных достижений. Модель «патрона» функционирует преимущественно по принципу «на расстоянии вытянутой руки», когда распределение средств делегируется независимым экспертным советам, оценивающим

заявки на основе критериев профессионального качества, без каких-либо ограничений со стороны органов власти.

Модель «архитектора» предполагает активную роль министерства культуры, которое создает инфраструктуру и своего рода «экосистему», финансирует эту сферу посредством субсидий и грантов с использованием контрактов «целей и средств» на основе четких критериев, но без вмешательства в творческие процессы, при сохранении эстетического выбора за творческими деятелями. В модели «инженера» часто преобладает трансформация культуры в ресурс политического воспитания с контролем со стороны органов власти за производством культурных благ и наличием ограничений в эстетическом выборе творческих работников. В этой модели государство – единственный заказчик, работодатель и цензор⁷.

Важно отметить, что между этими полюсами имеет место широкое пространство гибридных форм⁸. К ним относится, например, модель «элитного взращивания», предполагающая прямое государственное финансирование ключевых культурных институций для обеспечения их стабильности и развития (например, Большой театр или Эрмитаж). Следует сказать также о внешнеполитическом измерении культурной политики, которое раскрывается через теорию «мягкой силы», разработанную Джозефом Наем в конце 1980-х годов и получившую развитие в его известной книге «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» [*Nye, 2004, p.10*]. Согласно Наю, «мягкая сила» – это способность добиваться желаемых результатов через привлекательность, а не через принуждение или вознаграждение.

⁷ Модель «вдохновитель» наиболее характерна для США, «патрон» – реализуется в основном в Великобритании и Австралии; классическим примером использования модели «архитектор» служит Франция, а модель «инженер» была востребована в бывших странах Восточной Европы.

⁸ Это и есть одно из тех возражений, которое автор высказывал Г. Чартранду в дискуссия на конгрессе 1990 года. Именно гибридная модель в наибольшей степени соответствует российской практике.

Необходимо обратить внимание еще на одно важное обстоятельство – модели культурной политики никак нельзя рассматривать как автономные. Они напрямую зависят от системы государственного управления, детерминирующей условия культурной деятельности. Поэтому весьма значимой частью анализа, крайне редко рассматриваемой в литературе, посвященной экономике культуры, является исследование природы и характера взаимосвязей между моделями государственного управления и культурной политики.

Без особого риска допустить ошибку можно предположить существование иерархической зависимости, которая определяет границы свободы творческих субъектов и механизмы государственного финансирования, а также степень влияния власти на формирование культурной повестки. Рассмотрение в данном контексте культурной деятельности позволяет проследить конкретные связи между доминирующей системой государственного управления и соответствующими моделями культурной политики (Табл.2).

Табл.2. Сопряжение моделей управления и культурной политики

Критерий сравнения	РЫНОЧНАЯ	ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ	АВТОКРАТИЧЕСКАЯ
Основа системы	Доминирование конкуренции; минимум вмешательства власти	Отсутствие жестких доминант	Концентрация ресурсов и власти в руках одной группы
Роль государства	«Ночной сторож»: защита прав собственности и конкуренции	Постоянный диалог, поиск компромисса между субъектами	Централизация, ограничение рыночных механизмов
Доминирующие модели культурной политики	ВДОХНОВИТЕЛЬ	ПАТРОН – ВДОХНОВИТЕЛЬ	ИНЖЕНЕР–АРХИТЕКТОР
Механизм финансирования культуры	Косвенный: налоговые льготы, стимулирующие меценатство	Автономный: принцип «вытянутой руки» налоговые льготы	Директивный: госзаказ, бюджетное содержание, налоговые льготы, гранты
Преимущества	Экономическая свобода, разнообразие смыслов	Компромисс интересов, сохранение стандартов качества	Мобилизация ресурсов на стратегические цели
Риски и провалы	Коммерциализация; недопроизводство «опекаемых благ»	Лоббизм экспертных групп; медлительность решений	Идеологический диктат; стагнация и неэффективность

Так, в случае рыночной модели государство минимизирует прямое административное вмешательство в сферу культуры, а сама эта модель, ориентированная на макроэкономическое равновесие, коррелирует с ролью государства в качестве «вдохновителя». В рамках данной модели государство отказывается от прямого финансирования в пользу создания благоприятной фискальной среды: инструментами становятся налоговые льготы и преференции, стимулирующие частный фандрайзинг и меценатство.

Государство – «патрон» также вписывается в рыночную модель, но выступает уже как более зрелая и институционально развитая форма рыночно-ориентированной культурной политики. Аккумулируя бюджетные средства, государство делегирует право их распределения и экспертизы творческих проектов независимым советам по искусству. Данный механизм, известный как «принцип вытянутой руки», призван защитить творческий процесс от политического влияния, сохраняя государственное финансирование сферы культуры.

Элементы этой модели активно внедрялись в России в 1990-е и начале 2000-х годов, что выражалось в появлении грантовых фондов, формировании законодательной базы для некоммерческого сектора и попытках введения налоговых льгот для меценатов. Однако, как показала практика культурной деятельности и дальнейшее изменение условий функционирования культуры, отсутствие развитых институтов гражданского общества, способных выступать в роли легитимных экспертных советов, не позволило модели «патрона» стать доминирующей. Институциональная среда оказалась недостаточно зрелой для функционирования механизмов «вытянутой руки», что привело к последующей рецентрализации культурной политики.

Делиберативная модель, основанная на отсутствии явной доминанты и относительном балансе влияния власти, бизнеса и гражданского общества, создает возможности для использования модели «архитектора». В рамках этой

парадигмы культура концептуализируется как производство социально полезных благ и ключевой инструмент социальной интеграции. Государство в роли «архитектора» не стремится диктовать художественное содержание, но берет на себя функцию создания инфраструктурных условий для развития культуры и расширения доступа к потреблению культурных благ.

Инвестиции в культуру рассматриваются как долгосрочные вложения в повышение качества человеческого капитала и, подчеркну особо, социального капитала территории. Культурная политика становится частью стратегии регионального развития, где эстетическая ценность неразрывно связана с экономической и социальной эффективностью.

В России элементы модели «архитектора» наиболее отчетливо проявляются на муниципальном уровне и в крупных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург), где реализуются проекты ревитализации промышленных зон, создания креативных кластеров и развития общественных пространств. В данном контексте городские власти, следуя концепции «креативного класса» [Florida, 2002], вступают в диалог с профессиональными сообществами и горожанами, формируя инклюзивную среду, способную удерживать таланты и стимулировать инновации.

Автократическая модель. В случае, когда общественная система выстраивается вокруг доминанты «власти», культурная политика неизбежно дрейфует в сторону «инженера». Данная модель характеризуется подменой общественного выбора (горизонтальные связи) стратегическими установками государства (вертикаль власти). Сама же власть выступает не просто регулятором, а субъектом, формирующим культурную повестку. В этой парадигме культура инструментализируется, превращаясь в ресурс «мягкой силы» во внешне-политическом измерении [Nye, 2004] и инструмент конструирования идентичности – во внутреннем. Модель «инженера» включает прямое государственное

задание творческим институциям, цензуру (явную, институциональную и экономическую, через фильтры финансирования), а также использование культуры как средства «символического насилия» [Bourdieu, 1991] для легитимации политической системы и повышения значимости определенных ценностей.

Начиная с середины 2010-х годов в России наблюдается тяготение к основным характеристикам модели «инженера». Культура в официальном дискурсе все чаще трактуется как неотъемлемый элемент суверенитета и национальной безопасности. Государство берет на себя функцию «редактора» коллективной памяти, инициируя создание единого исторического нарратива и унифицируя культурное пространство в соответствии с идеологическими установками политической власти.

Обозначая общий вектор, важно понимать, что в реальной практике, особенно в переходные периоды, чистые модели практически не встречаются. Российская ситуация представляет собой сложный сплав разнонаправленных тенденций, где черты автократической модели и «инженерного» подхода причудливо сочетаются с элементами рыночного «вдохновителя» и социально-ориентированного «архитектора».

1.3. Институциональный гибрид

Отмеченный выше дрейф в сторону доминирования автократической модели и приближения к модели «инженерного» типа не означает, однако, что российская система управления культурой стала ее полным воплощением. Напротив, она представляет собой сложный и противоречивый гибрид, где черты разных моделей сосуществуют и конфликтуют, обуславливая уникальные институциональные коллизии. *Во-первых*, в ней наблюдается довольно много противоречий между моделями «архитектора» и «инженера». Фор-

мально декларируется поддержка культурного разнообразия, национальные проекты, создание инфраструктуры (типичные черты «архитектора»), но фактически механизмы управления остаются «инженерными»: достаточно жесткая отчетность, система ключевых показателей эффективности (KPI) и существующий неформально идеологический (бюрократический) фильтр при распределении ресурсов.

Во-вторых, экономическая легитимация государственного вмешательства в сферу культуры традиционно базируется на концепции «болезни издержек», сформулированной в фундаментальном труде «Performing Arts: The Economic Dilemma» [Baumol, Bowen, 1966, p.164]. Согласно данной теории, исполнительское искусство демонстрирует объективное отставание производительности труда от технологически развитых отраслей экономики, что при необходимом росте заработных плат создает кумулятивный дефицит бюджета организаций культуры. В этом контексте государственные субсидии выступают совсем не в качестве альтруизма и благотворительности, а как необходимый компенсаторный механизм сохранения культурного ландшафта.

В-третьих, формируется противоречие между развитием креативных индустрий и насаждением традиционализма. Так, во многих регионах страны развивается логика креативных индустрий, тяготеющая к рыночной модели и требующая свободы творчества, глобальной открытости и гибкости. В то же время власти федерального центра в такой смешанной модели, как «инженер-архитектор», транслируют консервативную, охранительную повестку, характерную для автократической системы государственного управления.

К особенностям гибридной модели следует отнести также наличие заметной связи между культурным капиталом и пространственным развитием, проявляющуюся в концепции «креативного города» [Landry, 2000, p.133] и теории «креативного класса» [Florida, 2002, p.75]. В условиях современной

экономики культурная инфраструктура превращается в «мягкий фактор» территориальной конкуренции. Формирование насыщенной культурной среды становится важным инструментом привлечения человеческого капитала: таланты и инноваторы стремятся в города с высоким разнообразием досуга.

Нельзя не обратить внимание и на социологический аспект государственного управления культурой, описанный в работах Пьера Бурдьё, который рассматривает данную сферу как поле борьбы за статус и легитимацию [Bourdieu, 1984, p.230]. Культурное потребление, согласно этому автору, функционирует как маркер различий между социальными группами, закрепляющий существующую стратификацию через воспроизводство специфического «габитуса» – системы внутренних установок и вкусовых предпочтений. В рамках такой парадигмы механизмы конкуренции за ресурсы внутри поля культуры описываются через процессы воспроизводства и трансформации, где ключевую роль играют такие феномены, как «символическое насилие» и неоправданное признание, когда произвольные культурные иерархии воспринимаются как естественные и легитимные [Bourdieu, Passeron, 1990, p.15].

Государственная стратегия в данном случае может выступать двояко: либо как инструмент «символического насилия», транслирующий ценности доминирующих групп и закрепляющий существующий габитус элит, либо как механизм демократизации, обеспечивающий равный доступ к культурным благам для всех слоев населения через образование, просвещение и политику культурного выравнивания. Это направление исследований связано с идеями Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно, изложенными в их «Диалектике просвещения» [Horkheimer, Adorno, 2002, p.107].

На внутреннем поле социума «мягкая сила» решает задачу легитимации политического порядка через управление «коллективной памятью». Государство в этом случае выступает в роли «редактора» прошлого, отбирая и акцен-

тируя те нарративы, которые работают на консолидацию общества и формирование образа *желаемого будущего*. Эта функция больше всего проявляется в периоды цивилизационных переходов, когда требуется переопределение культурных смыслов и ценностей.

Взаимозависимость рассмотренных блоков формирует сложную систему противоречий, с которыми сталкивается современная культурная деятельность. С одной стороны, логика экономической эффективности, разрабатываемая Тросби и Флоридой, требует открытости, коммерциализации и интеграции в глобальные креативные индустрии. С другой стороны, задачи сохранения культурной идентичности и противодействия «символическому насилию» глобальной массовой культуры, как это обозначает Бурдьё, заставляют государство прибегать к протекционизму, поддержке национального контента и более жесткому администрированию культурных процессов.

Таким образом, современное управление культурой – это не просто распределение бюджетных средств и финансирование отдельных институций, а комплексная деятельность по капитализации символических ресурсов, балансирующая между рыночной логикой, социальной справедливостью и государственным суверенитетом. Эффективная культурная политика должна одновременно решать задачи социальной инклюзии, сохранения идентичности и международного влияния, что требует от государства высокой рефлексивности, способности к межведомственной координации и готовности к диалогу с многообразными культурными сообществами.

Выполненный анализ подводит к выводу, что для перехода к более сбалансированным моделям культурной политики России требуется не просто увеличение бюджетного финансирования, но глубокая трансформация системы государственного. При этом фиксация институциональных деформаций и констатация необходимости смены модели управления – это лишь первый

шаг к решению проблемы. Остается главный вопрос: почему, несмотря на наличие многих неудач, система столь устойчиво воспроизводит саму себя? Почему декларируемый переход к модели «архитектора» неизменно оборачивается усилением «инженерных» начал?

Ответы на эти вопросы лежат за пределами рассмотрения государства как благонамеренного регулятора. И если до недавнего времени государственное управление отождествлялось с административной системой, обеспечивающей реализацию задач, установленных властью, то введение в научный оборот важной *теоретической новации* ситуацию радикально изменило, расширив границы экономических исследований. Речь идет об инкорпорировании в систему государственного управления институционального механизма *формирования целей* общественного развития [Смотрицкая, 2023, 2024]. Именно этот механизм объясняет, почему абстрактно желаемая модель «архитектора» в условиях реальных политических и бюрократических взаимодействий систематически замещается моделью «инженера»: общественный выбор, как будет показано во второй части работы, искажается под давлением корпоративных интересов и информационной асимметрии, что консервирует «инженерную» логику даже при декларации противоположных намерений.

Новое содержание государственного управления на всех его уровнях – от муниципального до федерального, требует погружения в логику определения соответствующих целей и принятия решений, в процессе которых сталкиваются интересы бюрократии, профессиональных лобби и слабо организованного большинства. С учетом этой новации особый смысл обретает анализ культурной политики с позиций известной процедуры целеполагания, присущей *Теории общественного выбора*, раскрывающей глубинные механизмы, консервирующие описанные выше коллизии и блокирующие институциональные преобразования.

Часть II.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ОПТИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Теория общественного выбора, как известно, оформилась в качестве самостоятельного научного направления еще в середине XX столетия [Black, 1948a; 1948b; Buchanan, 1949; Buchanan, Tullock, 1962]. Спустя полвека она стала концептуальной средой Новой политической экономии, которая процесс принятия государственных решений рассматривает не как *поиск истины*, а с учетом фундаментальной неоднородности и конфликтности интересов групп, постоянно борющихся за свое влияние [Алесина, 2006].

2.1. Общественный выбор и стратегия «второго лучшего»

В рамках данного подхода определение целей развития социума и формирование государственных приоритетов, включая культурную политику, выступает не результатом беспристрастного учета общественных потребностей, а итогом сложного взаимодействия заинтересованных групп. Решения о финансировании театров, музеев, культурного наследия, поддержке креативных индустрий или других организаций гуманитарного сектора принимаются в условиях политической конкуренции, где сталкиваются интересы депутатского корпуса и слабо организованных групп избирателей.

В отличие от модели рыночного равновесия, в процессе общественного выбора индивидуальные предпочтения трансформируются не в «денежные голоса», а в политическую поддержку конкретных партий и их программ. Распределение голосов избирателей и мест в парламенте отражает сложившийся на конкретный момент баланс или дисбаланс интересов субъектов власти, групп гражданского общества и экономических агентов. В результате конкурентного, но несовершенного процесса агрегирования предпочтений формируются цели и приоритеты государства, включая установки, определяющие культурную политику.

В соответствии с таким подходом государство не просто транслирует эти установки, а выступает как «эндогенный участник» рынка со своими ресурсами и ограничениями. Это означает, что эффективное государственное управление должно соответствовать результатам превращения общественного выбора в целевую функцию государства, которая становится одним из аргументов формирования культурной политики. Однако даже при самой демократичной процедуре нельзя игнорировать тот факт, что победившая парламентская партия или коалиция, получившая необходимое большинство голосов, приобретает возможность продвигать нормативные установки, отвечающие в первую очередь ее партийным или коалиционным интересам [Лаффон, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2008; Хиллман, 2009]. С учетом этого вряд ли уместно предполагать, что интересы, сгенерированные и отфильтрованные политической системой общественного выбора, будут релевантны приоритетам общества и направлены на цели, обеспечивающие эффективное распределение ресурсов, включая бюджетные средства, выделяемые на культуру.

Данный тезис подтверждает и Джеймс Бьюкенен, который так характеризует политический процесс: «рядовой «избиратель» максимизирует при голосовании свою личную выгоду; профессиональный «политик» максимизирует вероятность переизбрания, а не какое-то абстрактное общественное благосостояние; «бюрократ» максимизирует размер контролируемого им бюджета, статус и власть своего ведомства; а «правительство» в целом – это отнюдь не альтруистичный орган, а арена для непрекращающегося торга между самоинтересованными группами» [Buchanan, Musgrave, 1999, pp.107-110].

Деформации общественного выбора. Процесс формирования целей государства, в том числе в области культуры, подвержен системным рискам ошибочных решений. Попытки государства устранять «провалы рынка» (например, недостаточное производство культурных благ) часто оборачиваются не

менее серьезными «провалами государства» [*Winston, 2006; Полтерович, 2007*]. И хотя причины неэффективных рыночных равновесий и провалов общественного выбора во многом схожи – монополия, информационная асимметрия, экстерналии, следует констатировать их принципиальное различие.

Так, устранение классических «провалов рынка» считается признанной функцией государства. Для решения же проблем провалов общественного выбора не существует очевидных рецептов, кроме абстрактных надежд на эволюционный прогресс в области политических и гражданских институтов, который, как подчеркивал Ф. Хайек, не является линейным и не имеет финальной точки совершенства. Для сферы культуры это означает, что стандартные бюджетные решения не гарантируют достижения целей, декларируемых в моделях «вдохновителя», «архитектора», «патрона» и даже «инженера».

Анализ деформаций общественного выбора следует начать с механизмов «политической монополии», которая формируется не только через формальные выборы, но и через контроль над медиа и административный ресурс. Такая монополия возникает в результате интенсивной предвыборной борьбы и последующей победы одной партии или партийной коалиции, что почти неизбежно приводит к смещению агрегированных результатов общественного выбора в сторону интересов монополиста. В контексте культуры это проявляется в навязывании художественного метода или идеологического нарратива, характерного прежде всего для модели «инженера», что подавляет многообразие, необходимое для реализации «архитектурного» подхода.

Влияние «информационной асимметрии» на культурную политику также носит фундаментальный характер и подробно исследовано в экономической литературе, ставшей популярной после анализа «рынков лимонов» [*Akerlof, 1970*]. Ключевое значение здесь имеет модель бюрократии У. Нисканена: обладание чиновниками информационной монополией в отношении ре-

альных потребностей и издержек своих ведомств позволяет им максимизировать утверждаемые бюджеты, существенно завышая их обоснованный уровень [Нисканен, 2007, с.60-70]. Это означает, что Министерство культуры и ведомства других уровней управления, будучи заинтересованными в максимизации своего влияния, часто лоббируют финансирование крупных номенклатурных проектов вместо поддержки низовых инициатив, что усугубляет описанную ранее коллизию «архитектора-инженера».

Отдельного анализа заслуживает проблема «экстерналий». Если необходимость учета и интернализации внешних эффектов были описаны А. Маршаллом и А. Пигу [Пигу, 1985; Маршалл, 1993], то в рамках теории общественного выбора сформировалась альтернативная, более скептическая концепция. Ее суть заключается в том, что государственное вмешательство, призванное исправить провал рынка, в силу эгоистических интересов политических акторов само может быть институционально неэффективным.

Значительный пласт современной экономической литературы, связанный с общественным выбором, приходится на проблемы позитивных экстерналий в гуманитарном секторе, где производятся, сохраняются и потребляются продукты науки, культуры, образования и здравоохранения. Но именно здесь, объясняя хроническое недофинансирование культуры, специалисты в области общественного выбора ссылаются на недостаточную развитость социальных наук. Так, в заключительном резюме книги «Общественные финансы и общественный выбор» авторы дискуссии отметили «глубочайшую философскую и методологическую пропасть» в экономике государственного сектора [Buchanan, Musgrave, 1999, pp.175-180].

Данный вердикт находит отражение в провалах общественного выбора, следствием которых становится перманентное бюджетное недофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения [Рубинштейн (ред.),

2023]. Указанное обстоятельство порождает порочный круг: недоинвестиции в человеческий капитал сокращают инновационные решения и снижают потенциал экономического роста, что в конечном счете ограничивает и будущие бюджетные возможности.

Каждая из представленных особенностей государственного управления демонстрирует специфический, но неизбежный вектор отклонения от абстрактно-теоретического институционального равновесия. Признание невозможности достижения идеала обуславливает необходимость перехода от поиска «первого лучшего» к использованию более реалистичного теоретического принципа – стратегии «второго лучшего» (second best), которая признает изначальное несовершенство институциональной среды и недостижимость полного баланса интересов.

Стратегия «второго лучшего». Специфика культурной политики обусловлена природой ее объекта. Культурные блага и услуги обладают ценностью, которая зачастую не поддается строгой рыночной или количественной оценке. Культуру принято рассматривать как сферу производства общественных и мериторных благ, но одновременно – как пространство для реализации частных художественных интересов и творческих инициатив. Это внутреннее противоречие делает поиск «идеального» равновесия в данной сфере практически невозможным.

В таких условиях теоретические конструкции «первого лучшего» уступают место субоптимальным подходам. Их общее методологическое обоснование дает теорема Р. Липси и К. Ланкастера. Математический анализ показал, что в сложноорганизованной экономической системе нарушение хотя бы одного из условий достижения оптимума (что неизбежно вследствие деформаций общественного выбора) делает бесперспективным соблюдение всех остальных условий. Стремление к идеалу в такой ситуации не только не при-

ближает к нему, но и может *снизить* общественное благосостояние [*Lipsey, Lancaster, 1956, pp. 11–32*].

Осознавая несовершенство институтов власти, рынка и гражданского общества, а также невозможность достижения Парето-эффективности (в том числе из-за положительных трансакционных издержек), рациональной представляется стратегия субоптимальных решений, сознательно отклоняющихся от теоретических оптимумов. Методологическим фундаментом здесь служат два взаимодополняющих инструмента.

Во-первых, компенсационный критерий Н. Калдора и Дж. Хикса, позволяющий оценивать институциональные преобразования, которые приносят выгоду одним субъектам и ущерб другим, исходя из гипотетической возможности компенсации потерь [*Kaldor, 1939; Hicks, 1939*]. Во-вторых, известная теорема Р. Коуза, которая в явном виде вводит в анализ трансакционные издержки как главное препятствие на пути к Парето-оптимуму [*Coase, 1960; Капелюшников, 2006*]. В мире с нулевыми трансакционными издержками переговоры привели бы к оптимальному решению без внешнего вмешательства. В реальности, где такие издержки всегда положительны, выбор осуществляется между несовершенными альтернативами. Именно здесь критерий Калдора–Хикса становится применимым инструментом для обоснования устойчивых, хотя и теоретически «субоптимальных» решений.

Особое значение для проблемы общественного выбора имеет подход, разработанный А. Сеном. Развивая логику «второго лучшего», он показал принципиальную ограниченность поиска «трансцендентного идеала» [*Sen, 2009, pp. 5–15*]. Свою позицию Сен обосновывал *неполнотой информации* и наличием ценностных противоречий – факторов, характерных для культуры, где сталкиваются традиция и новаторство, элитарное и массовое.

Конструирование идеальной модели здесь лишено продуктивности. Поэтому вместо глобального оптимума Сен предлагает анализ реально достижимых альтернатив [Sen, 2002, pp. 158–163]. Такой подход применим и к культурной политике, где акцент смещается с абстрактного идеала на выбор между доступными способами бюджетного финансирования, обеспечивающего культурное многообразие и инвестирование в человеческий капитал.

В терминах институциональной метасистемы «власть – бизнес – гражданское общество» это означает, что государственный интерес следует понимать не как поиск равновесной точки, а как перманентный процесс сравнительного анализа и институциональной рефлексии. Данный процесс учитывает многообразие общественных потребностей и нацелен на минимизацию наиболее опасных дисбалансов. Для практической реализации принципа «второго лучшего» теория общественного выбора должна опираться на открытые общественные обсуждения. Именно они позволяют компенсировать ограниченность кругозора представителей власти и корректировать адаптивные предпочтения [Сен, 2016, с. 218].

В рамках предлагаемого подхода государственное управление перестает быть сугубо административным регулятором и превращается в деятельность по обеспечению сложных самоорганизующихся систем. В логике «второго лучшего» оно фокусируется на институциональных преобразованиях, направленных на ослабление существующих дисбалансов. При этом классический инструментарий теории общественного выбора дополняется функциями управления, рассматриваемые как неотъемлемые элементы самой системы.

В условиях социального дисбаланса принципиальным становится разграничение абстрактно желаемого и реального векторов культурной политики. Это означает смещение фокуса с критериев оптимальности на обеспечение устойчивости самой сферы культуры. Именно устойчивость, а не гипотетиче-

ское равновесие, выступает в данном случае главным практическим ориентиром. Важная роль здесь принадлежит независимым экспертным оценкам, экспериментам и гражданскому контролю. Эти инструменты, хотя и не позволяют полностью очистить государственный интерес от влияния отдельных групп, обеспечивают его прагматичную настройку. Основной же направленностью управления становится стремление к минимизации дисбалансов, представляющих наибольшую угрозу для деятельности организаций культуры, науки, образования и здравоохранения.

Таким образом, устойчивость в современной рыночной системе определяется не достижением абстрактного равновесия интересов власти, бизнеса и гражданского общества, а способностью эффективно корректировать деформации общественного выбора. Применительно к культурной политике это означает движение от модели «инженера» к моделям «патрона» или «архитектора». Такой переход требует не просто локальных управленческих решений, а глубокой институциональной трансформации, направленной на ограничение бюрократии и расширение субъектности гражданского общества.

Исходя из принципа постепенных изменений А. Маршалла («природа не делает скачков»), очевидно, что полезные реформы по модернизации институциональной среды не могут быть одномоментной акцией [Marshall, 1920]. Применительно к дефиниции государства следует согласиться с концепцией социального порядка Ф. Хайека [Хайек, 1992]. Подобный порядок «возникает и поддерживается спонтанно, поскольку каждый его элемент балансирует воздействующие на него силы и в той или иной мере согласует свои действия с другими, что в совокупности обеспечивает координацию поведения отдельных лиц и групп с разнонаправленными целями» [Хайек, 2006, с.69]. Чтобы этот спонтанный порядок развивался бесконфликтно, государство должно сформировать устойчивый институциональный каркас.

На разных фазах формирования такого порядка может возникать проблема дисбалансов, которая в сфере культуры трансформируется в задачу определения «пороговых условий», нарушение которых чревато рисками дестабилизации. Имеется в виду установление обоснованной нижней границы государственного финансирования организаций культуры, непосредственно связанной с закономерностью «болезни издержек». Обнаруженная более шестидесяти лет назад, она сыграла фундаментальную роль в легитимации бюджетных субсидий – ключевого элемента государственного управления, направленного на сохранение художественного многообразия и творческой автономии учреждений культуры. Следует подчеркнуть, что обоснование «пороговых условий» нельзя сводить только к объемам бюджетных ассигнований; не менее важную роль играют условия культурной деятельности.

В данном контексте применяемый в исследовании мультидисциплинарный подход позволил впервые обнаружить негативное последствие «болезни издержек», связанное с рисками, которые характерны для модели «инженера» и не проявляются при иных типах культурной политики. Речь идет о «*бюджетной ловушке*», в которую попадают подверженные этой болезни учреждения культуры.

2.2. От бюджетной ловушки к принципу эквивалентности

Данный феномен имеет фундаментальное значение и свидетельствует о том, что бюджетное финансирование в рамках «инженерной» модели часто превращается в механизм административной зависимости. Его следствием становится конвертация творческих свобод и художественного многообразия в адаптивную лояльность по отношению к учредителю. Это приводит к постепенному формированию самоцензуры создателей культурных благ, проявляющейся на всех уровнях управления культурой и представляющей институциональную угрозу для ее развития (*Табл. 3*).

Табл.3. Сопоставление экономических условий деятельности организаций культуры в различных моделях культурной политики

	ВДОХНОВИТЕЛЬ	ПАТРОН	АРХИТЕКТОР	ИНЖЕНЕР
	Косвенный	Автономный	Централизованный	Директивный
Механизм финансирования	Налоговые льготы, стимулирование альтруизма и меценатства	Гранты на конкретные проекты, одобренные профессиональным сообществом	Субсидии для обеспечения всеобщего доступа к культуре, гранты	Поддержка учреждений культуры, сметное финансирование, гранты
Творческий суверенитет	СОХРАНЕНИЕ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА			Ограничения свободы творчества «БЮДЖЕТНАЯ ЛОВУШКА»

Представленное в таблице сопоставление моделей показывает, что при попытке преодоления указанной зависимости возникает ложное ощущение, будто бюджетные субсидии организациям культуры находятся в непреодолимом противоречии с их творческим суверенитетом. В качестве антитезы данному подходу целесообразно привести тезис американского философа Арнольда Берлианта: «Прямые попытки решить проблему непреодолимого разногласия не могут увенчаться успехом, потому что сложность кроется не в самой проблеме, а в том, как она сконструирована» [Berleant, 2004, p. 83].

Экстраполируя данное заключение на «болезнь издержек», можно утверждать, что истоки проблемы кроются не в самой баумолевской закономерности, а в институциональных условиях деятельности организаций культуры. При этом, как отмечал Берлиант, «любой принцип, правило, стандарт или закономерность действителен в каждом случае, к которому он применим» [Berleant, 1998, p. 161]. В этой важной оговорке заключена суть проблемы применительно к культурной политике: если в моделях «вдохновитель», «патрон» и «архитектор» бюджетные субсидии не чреватые негативными последствиями для творческой деятельности, то в условиях культурной политики «инженерного типа» данные риски проявляются в полной мере.

Результаты исследования не только диагностируют этот глубинный конфликт, но и задают вектор его преодоления через признание «бюджетной ловушки» первоочередным объектом институциональных реформ. В условиях поиска решений класса *second best* («второго лучшего») ключевой задачей становится не наращивание объемов финансовых ресурсов (что способно лишь усугубить административную зависимость), а выработка алгоритмов выхода из бюджетной ловушки. Формирование такой стратегии требует переосмысления фундаментальных причин, обуславливающих экономическую недостаточность и перманентную рыночную убыточность сферы культуры.

Новая интерпретация «Закона Баумоля». Воспитанный в традициях методологического индивидуализма Лондонской школы экономики, Вильям Баумоль рассматривал культурные блага как частные и объяснял дефицит дохода их производителей через микроэкономические механизмы. В данном теоретическом русле им была сформулирована фундаментальная закономерность, известная как «болезнь издержек» и объясняющая хроническую убыточность организаций культуры отставанием роста их производительности от технологически прогрессивных отраслей [Baumol, 1967]. Организации исполнительских искусств, как подчеркивали В. Баумоль и У. Боуэн, «не могут даже надеяться догнать производительность труда в целом по экономике» [Baumol, Bowen, 1966, p. 165].

Указанная фундаментальная закономерность нашла множественные эмпирические подтверждения в различных отраслях гуманитарного сектора⁹. При этом системный анализ выявляет методологический парадокс: будучи безусловным приверженцем индивидуализма по методологии, Баумоль по по-

⁹ См., в частности: [Globerman, Book, 1974; Schwarz, Greenfield, 1981; Rubinstein, 1987, 1992; Rubinstein, Baumol, Baumol, 1992; Heilbrun, 2003; Ginsburgh, Throsby, 2006; Neck, Getzner, 2007; Nordhaus 2008; Pomp, Vujic, 2008; Fernandez, Palazuelo, 2012; Рубинштейн, 2012; Бураков, Славинская, 2017].

лученным результатам фактически выступил последователем холизма. Выявив неустранимый разрыв в динамике производительности, он обосновал невозможность чисто рыночного существования исполнительских искусств и подвел экономическую мысль к признанию автономных интересов государства и целесообразности бюджетного финансирования опекаемых благ.

Понимание природы этого парадокса позволяет иначе взглянуть на экономическую сущность субсидий. Если рынок не в состоянии обеспечить устойчивость организаций культуры, государственное финансирование выступает в качестве необходимого компенсаторного механизма. Приобретая экстернальный эффект от потребления культурных благ в будущем, государство «взамен» участвует в финансировании их текущего производства. С учетом этого бюджетные субсидии правомерно рассматривать как особый вид дохода, обеспечивающий долгосрочную экономическую автономию организаций культуры [Рубинштейн, 1991, с. 13].

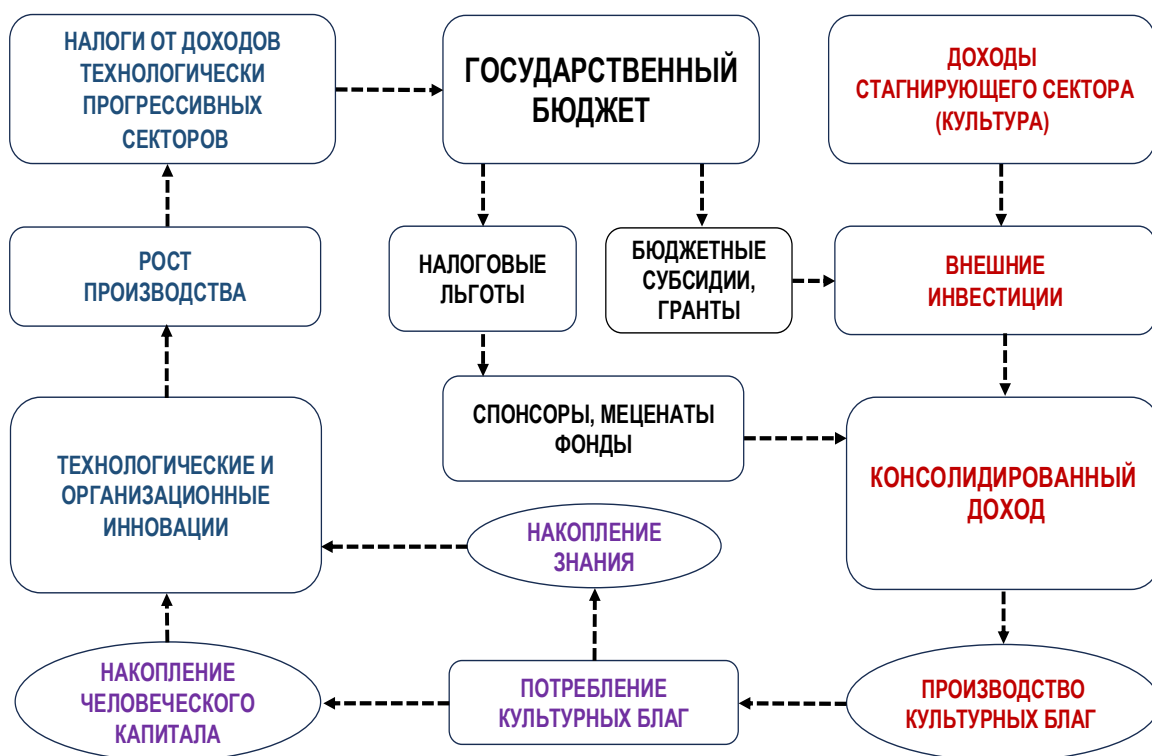

Рис. 1. Принципиальная схема полного бюджетного цикла инвестиций в производство культурных благ

В более общем смысле современная экономическая теория трактует субсидии как инвестиции в социально полезные блага, направленные на интернализацию позитивных экстерналий эффектов [Bourdieu, 1993; Throsby, 2001; Florida, 2002; Frey, 2003; Рубинштейн, 2023, 2024]. Эта теоретическая конструкция исходит из того, что потребление культурных благ повышает креативность и социальные навыки индивидов, способствует накоплению человеческого капитала и создает предпосылки для инноваций, стимулирует экономический рост и увеличивает налоговые поступления (Рис. 1).

В рамках данного подхода меняется вектор осмысления закона Баумоля. Его новое содержание связано не с самой «болезнью издержек», а со спецификой измерения производительности труда. В сложившейся практике этот показатель некорректно рассчитывается исключительно на основе текущих рыночных доходов учреждений. Культурная деятельность генерирует значительные позитивные экстерналии (социальную сплоченность, креативность и инновационный потенциал). Хотя эти эффекты не капитализируются в текущей выручке организаций, они извлекаются государством в виде прироста человеческого капитала, снижения транзакционных издержек и уровня конфликтности. Игнорирование этих факторов ведет к систематической недооценке производительности гуманитарного сектора.

Следовательно, производительность в сфере культуры должна определяться как *консолидированный доход на одного занятого*, аккумулирующий как рыночный, так и нерыночный (субсидируемый) вклад. Такой подход позволяет переопределить классическую «болезнь издержек» (Baumol *cost disease*) в «болезнь текущих доходов». Речь идет не о трудностях перевода, а об уточнении экономического содержания: субъекты культурной деятельности страдают не от имманентного роста расходов, а от систематической недооценки величины их консолидированного дохода.

Новая трактовка «Закона Баумоля» и инвестиционный характер бюджетных субсидий позволили с иных позиций и, главное, более обоснованно определить и категорию производительности в сфере культуры. Эта ситуация создала предпосылки для решения практически важной задачи количественного определения «пороговых условий», нарушение которых чревато уже упоминавшейся выше проблемой *дисбалансов* и рисками дестабилизации гуманитарного сектора экономики. Речь идет о выборе между доступными, хотя и несовершенными, способами финансирования культуры ради сохранения культурного многообразия. Для формализации этой задачи вводится *принцип эквивалентности*.

Данный принцип задает нормативное целевое условие, согласно которому производительность в сфере культуры (P_K) не должна отставать от средней производительности по экономике в целом (P_E). Применительно к пороговым условиям бюджетного субсидирования это требование выражается следующим неравенством

$$P_K \geq P_E \quad (1)$$

В соответствии с принципом эквивалентности объективно отсутствующий в сфере культуры технический прогресс должен компенсироваться бюджетной субсидией, увеличивающей совокупный (консолидированный) доход организаций. В пользу данной позиции высказывался и сам В. Баумоль: «Компании, порождающие положительные экстерналии, должны получать субсидии на единицу объема их производства, равные разнице между их маргинальными общественными издержками и маргинальными частными издержками» [Баумоль, Блайндер, 2004, с. 267].

Нарушение этого принципа (когда $P_K < P_E$) свидетельствует об одном из трех типов провалов государства (*state failures*): 1) провал общественного выбора (недооценка ментального прогресса и сокращение субсидий ниже поро-

гового уровня); 2) подмена общественного выбора субъективным (аппаратным) решением органа власти; необоснованное сохранение финансирования видов деятельности, не генерирующих позитивные экстерналии. Применение принципа эквивалентности позволяет вывести формулу для определения конкретного объема государственного финансирования. Соответствуя нижнему пороговому значению, расчетная субсидия превращает исходное неравенство (1) в строгое равенство:

$$P_K = P_E \quad (2)$$

Поскольку средняя производительность в экономике определяется как отношение ВВП к численности занятых ($P_E = W_E/R_E$), а производительность в культуре, как отношение консолидированного дохода (сумма собственных доходов D_K и субсидии S_K) к численности работников: $P_K = (D_K + S_K) / R_K$, расчетная величина пороговой субсидии в году t определяется из уравнения:

$$S_{K}^t(TV) = (W_E^t / R_E^t) R_K^t - D_K^t \quad (3)$$

E – индекс экономики соответствующего уровня; K – индекс сферы культуры (конкретной организации); TV (Threshold value) – индекс порогового условия; W_E^t – величина ВВП в году t в текущих ценах; R_E^t – численность занятых в экономике в году t ; R_K^t – численность работников сферы культуры в году t ; D_K^t – доходы от основной и неосновной деятельности в году t в текущих ценах; $S_{K}^t(TV)$ – пороговое значения бюджетной субсидии в году t в текущих ценах.

Внедрение представленной модели в практику культурной политики устраняет административную зависимость субъектов творческой деятельности. Автоматический расчет размера субсидии на основе независимых макроэкономических показателей минимизирует субъективизм чиновников. Разработанный инструмент служит эффективным решением «болезни текущих доходов». Во-первых, он обеспечивает институциональное высвобождение организаций культуры из «бюджетной ловушки». Во-вторых, он формирует условия для управляемого перехода от жесткой модели «инженера» к смешанной

модели «инженер-архитектор», где распределение финансовых ресурсов детерминировано не текущей административной волей, а объективно заданными пороговыми условиями развития гуманитарного сектора.

2.3. Ментальный прогресс, экономическая оценка

В современной дискуссии о путях цивилизационного и, прежде всего, экономического развития продолжает доминировать технический прогресс – совершенствование оборудования и технологий, включая процессы цифровизации, направленные на экономический рост. Однако исторический опыт свидетельствует, что даже успешный технологический рывок, не подкрепленный развитием самого человека, ведет нередко к системным диспропорциям, которые во многом обуславливают нынешний мировоззренческий кризис.

Такая тематика занимает центральное место в работах многих выдающихся экономистов. Часто этот кризис связывают с необходимостью поиска новых этических и философских оснований. Немалая часть авторов сходятся в том, что текущая ситуация – это не нехватка денег или технологий, а кризис содержательной интерпретации. В некотором смысле можно говорить и о повороте экономической науки к моральной философии, где «культурный код» становится связующим звеном между цифрами и человеческим поведением [Норт, 2010, с.57-63; Аузан, 2014, с.74-76, 82; Стиглиц, 2020, с.45-48, 182].

В гуманитарной литературе присутствует мысль, что экономика не может рассматриваться в отрыве от ценностей и социальных институтов. Продолжая поиски преодоления такого разрыва в контексте исследования культурной политики, представляется целесообразным воспользоваться понятиями *менталитета* человека или ментальности¹⁰ и ввести в научный оборот,

¹⁰ По-видимому, впервые в экономической теории термин «ментальности» использовали Дуглас Норт и Артур Дензау, предложив соответствующий аппарат «общих ментальных моделей» [Denzau, North, 1994]. Эта работа продемонстрировала, как стимулы в экономическом поведении преломляются через призму коллективного сознания.

по аналогии с техническим прогрессом, новую категорию – «ментальный прогресс».

Следует подчеркнуть, что ментальный прогресс не следует противопоставлять техническому прогрессу. Напротив, это его имманентное дополнение и необходимое условие для того, чтобы технологические и технические достижения служили развитию человека, а не его деградации. Если технический прогресс воплощается в совершенствовании материальных факторов производства, то ментальный прогресс – в совершенствовании самого человека как главной производительной силы и одновременно одной из целей экономического развития. На основе этого допустимо сформулировать гипотезу о том, что основной целью культурной политики государства на макроуровне является именно ментальный прогресс.

Введение категории ментального прогресса в экономический анализ – это не просто смена терминологии, а попытка преодолеть отмечаемую в литературе «теоретическую стагнацию». Включение данной категории в экономическую теорию, особенно в рамках релятивистской методологии, позволяет подойти к решению ряда фундаментальных проблем, которые классическая экономика обычно обходит стороной. Так, если «человеческий капитал» трактуется преимущественно как совокупность навыков, приносящих доход [*Becker, 1964, p.15*], то более глубокий анализ позволяет предположить, что менталитет, по существу, является его смысловой основой.

Понятие «ментальность» добавляет качественное измерение «человеческому капиталу»: оно определяет мотивацию к творческому труду, формирует отношение к общественным и опекаемым благам и становится ценностно-смысловым базисом, который объясняет, почему индивидuum делает выбор в пользу созидания даже тогда, когда прямые рыночные стимулы явно слабы. Как отмечал Амартия Сен, подлинный прогресс заключается не в росте ВВП,

а в расширении возможностей человека, что нереально без качественного изменения его сознания [Sen, 1999, p.3]. Ментальный прогресс – это путь от «автоматического» субъекта к человеку осознанному. С точки зрения неоинституционализма, ментальные модели первичны: они определяют, как формальные правила будут соблюдаться на практике [North, 1990, p.22].

Категория менталитета превращает экономику в антропологически ориентированную науку. Это делает ее более сложной, но и более адекватной реальности, особенно когда речь идет о развитии человека и долгосрочной устойчивости. Такой подход кардинально меняет логику государственного управления, включая культурную политику, и переводит показатель эффективности из плоскости чисто финансового результата (типа доходов от проданных билетов) в пространство воспроизводства смыслов.

Бюджетное финансирование театров или музеев эффективно не тогда, когда они выходят на самоокупаемость, а когда они трансформируют ментальность населения, снижая уровень социальной апатии или агрессии, что в долгосрочной перспективе, помимо прочего, экономит средства в других секторах (от правопорядка до здравоохранения). Это путь к созданию такой финансовой архитектуры гуманитарного сектора, которая работает в резонансе с внутренними установками общества, а не вопреки им.

Экономическая оценка ментального прогресса. Очевидно, что ментальный прогресс нелинеен, и любые его метрики можно создать исключительно для прошлого временного интервала данного процесса. Ориентируясь на будущее, можно задать его направление и даже критерии оценки, но сам прогресс (в любых единицах измерения) может быть зафиксирован только *post factum*. В такой ситуации существуют две возможности исследования ментального прогресса. Во-первых, на основе математического прогнозирования на будущий период показателей данного процесса, измеренных в прошлые ин-

тервалы. Во-вторых, посредством экономической оценки ментального прогресса, опирающейся на теоретические закономерности и логику выявления параметров общественного выбора. В данной работе используется второй путь, обусловленный несколькими обстоятельствами.

Так, нетрудно предположить наличие связи между объемом бюджетной субсидии, имеющей инвестиционный характер, и ожидаемым ментальным прогрессом, который в основном и является целью указанных инвестиций. В этом контексте размер субсидии может выступать в качестве оценки последствий изменения ментальности населения – своего рода измерителем экономической отдачи от соответствующих бюджетных инвестиций. Кроме того, речь идет о ситуации «второго лучшего», когда общественный выбор, определяющий распределение ограниченных бюджетных средств, направлен на устранение рисков дестабилизации гуманитарного сектора и применение принципа эквивалентности, формализованного ранее в уравнении (3).

Возвращаясь к определению объема бюджетной субсидии $S^t(TV)$ в формуле (3), следует подчеркнуть, что она характеризует лишь ее «пороговое значение». Невозможность снижения издержек в результате замены творческого труда техническими средствами государство компенсирует дополнительным доходом в виде субсидий. Речь идет о минимальном объеме бюджетного финансирования, который обеспечивает учреждениям культуры возможность функционировать в условиях рыночной экономики. При этом фактический объем субсидии (S^t_k), который по определению не может быть меньше ее порогового значения, удовлетворяет обратному неравенству:

$$S^t_k \geq S^t_k(TV) \quad (4)$$

Дело в том, что в отличие от порогового значения фактическая величина субсидии связана не с компенсацией объективно отсутствующего технического прогресса, а с характерным для данной сферы ментальным прогрессом,

с его экономической оценкой. Чем выше эта оценка, тем в большей степени государство, опираясь на свои экономические ожидания, готово платить «нерыночную» цену за блага, которые трансформируют сознание людей и обеспечивают ментальный прогресс. Иначе говоря, оно авансирует указанные средства, отражая понимание, что ожидаемые эффекты от таких расходов обеспечивают для будущих поколений не только совершенствование самих людей, но и необходимый экономический рост.

Следует отметить, что дифференциация пороговых значений субсидии по разным сферам гуманитарного сектора и отдельным организациям связана в основном с объемом их рыночных доходов. При этом различия в объеме фактической субсидии обусловлены ожиданиями экономической отдачи ментального прогресса, что выражается в различной экономической оценке применительно к производителям культурных благ и различным сферам гуманитарного сектора – науке, культуре, образованию и здравоохранению.

Теоретические категории, претендующие на определенную значимость, должны быть операционализированы. Опираясь на представленные содержательные предпосылки оценки ментального прогресса, можно предложить индикатор FPI (Funding Proportion Indicator), который фиксирует долю бюджетных инвестиций, направленных на обеспечение *ментального прогресса*, в совокупном доходе организации культуры:

$$FPI^t = \frac{S^t(M)}{S^t(M)+D^t} \quad (5)$$

M – индекс ментального прогресса;

$S^t(M)$ – бюджетная субсидия организации культуры (или отрасли) в году t ;

D^t – суммарные рыночные доходы организации в году t

По экономическому содержанию индикатор FPI следует рассматривать в качестве общественной оценки экстерналичного эффекта ментального прогресса. Конкретные значения индикатора FPI – это не нормативные рекомен-

дации (что должно быть), а экономическая оценка в рамках процедуры общественного выбора (что есть).

Индикатор FPI обладает двойственной логикой: во-первых, чем выше доля субсидии, тем больше государство готово оплачивать то, что не покупается на рынке; во-вторых, он фиксирует структуру дохода, а не его абсолютную величину, что позволяет сравнивать разные организации и отрасли. Субсидия здесь выступает не как «поддержка убыточных» субъектов экономической деятельности, а как свидетельство того, что производимые ими блага признаны общественно значимыми сверх их рыночной стоимости. Рост индикатора FPI или его высокие значения для определенного типа учреждений культуры указывают на то, что именно эта деятельность воспринимается обществом как наиболее важный драйвер ментального прогресса.

* * *

Если творческий труд систематически недополучает выгоды от технического прогресса (баумолевский эффект), то дополняющим механизмом становится его вклад в ментальный прогресс. Таким образом, введение категории ментального прогресса и его операционализация через посредством индикатора FPI позволяют преодолеть традиционную узость технократического подхода в экономической теории. Экономическая оценка ментальных эффектов переводит финансирование гуманитарного сектора из категории «социальных издержек» или «безвозвратных субсидий» в статус стратегических инвестиций в человека как главного субъекта долгосрочного развития. Фиксация этой связи позволяет замкнуть релятивистскую модель рыночного равновесия, где общественный выбор выступает не субъективным решением чиновника, а объективной оценкой экстерналичных эффектов культуры.

Подводя итог исследованию теоретических оснований новой концепции, следует подчеркнуть, что экономическая оценка ментального прогресса

кардинально меняет саму логику формирования финансовой архитектуры гуманитарной сферы. Переход от компенсации «пороговых значений», вызванных «болезнью Баумоля», к авансированию фактического объема субсидий означает признание нерыночной ценности благ, трансформирующих общественное сознание. Индикатор FPI в данном контексте становится не просто расчетным коэффициентом, а действенным инструментом измерения масштаба этого признания в процедурах общественного выбора, фиксирующим способность государства платить за воспроизводство смыслов.

Разработанный теоретический аппарат, предложенная двухфакторная модель производительности и новые принципы бюджетного финансирования создают необходимую методологическую базу для последующего этапа исследования. Это позволяет органично перейти от концептуального моделирования к эмпирической верификации параметров гуманитарного сектора. Цель последующего анализа – сопоставить выводы разработанной модели с реальными статистическими и финансовыми трендами отечественной сферы культуры, определить, насколько текущая практика далека от оптимальных теоретических ориентиров, и оценить, в какой степени российские институты остаются заложниками институциональной «бюджетной ловушки».

Часть III.

Пороговые условия: эмпирический анализ

Для эмпирической проверки теоретических конструкций, предложенных в настоящем докладе – принципа эквивалентности, алгоритма измерения пороговых значений субсидии, обеспечивающих выход из «бюджетной ловушки», а также индекса «ментального прогресса», являющегося ключевой характеристикой культурной политики, необходимо сделать ряд предварительных замечаний. Речь идет об объектах эмпирического анализа, его информационном обеспечении и используемом аналитическом инструментарии.

В рамках исследования анализируются три сюжета, в том числе два театральные примеры: анализ театральной деятельности в пяти российских регионах на основе средних по регионам показателей, а также о государственных театрах Москвы с использованием характеристик каждого театра в отдельности. Отбор регионов для первого примера осуществлялся по критерию разнообразия.

В выборку включены столичный город Москва, промышленно развитая Самарская область, регион с высокой концентрацией оборонного и креативного секторов – Свердловская область, дальневосточный Хабаровский край и наименее экономически развитая Еврейская автономная область. В качестве третьего объекта эмпирического исследования выступает гуманитарный сектор Москвы – академические институты, государственные вузы, учреждения культуры и здравоохранения.

Что касается информационного обеспечения, то применительно к театрам были использованы данные официальной статистики ГИВЦ Министерства культуры России. Для анализа четырех отраслей гуманитарного сектора использовались «Отчет о расходах (Приложение № 1 к Приказу Минфина России от 19.06.2024 № 92н)» и специализированные формы по труду и кадрам

(ЗП-культура, ВПО-1, №ЗП-наука). Принимая во внимание, что тестирование теоретических положений не предполагает обязательной актуальности расчетов, для театров был выбран информационно доступный период с 2015 по 2019 годы, для гуманитарного сектора – периоды 2015 и 2023 годов.

Непосредственные расчеты, связанные с эмпирической проверкой, были выполнены с использованием четырех индексов, характеризующих различные стороны финансовой архитектуры гуманитарного сектора:

$$Y^t = S^t(M) / S^t(TV) - \text{«Индекс недофинансирования»};$$

$$FPI^t = S^t(M) / (S^t(M) + D^t) - \text{«Индикатор ментального прогресса»};$$

$$RWI^t = Z^t / Z^t_E - \text{«Индекс конкурентности зарплат»};$$

$$WSR^t = Z^t / S^t(M) - \text{«Индекс зарплатной нагрузки» в субсидии.}$$

3.1. Театры российских регионов

В качестве первого примера использована выборка театральных учреждений, стационарированных в пяти российских регионах с разной экономикой, а также в целом по России. Расчеты пороговых значений бюджетного финансирования $S^t(TV)$, выполненные в соответствии с формулой (3), приведенной в предыдущей главе, и их сопоставление с фактическими объемами субсидии $S^t(M)$ свидетельствуют, что во всех регионах выборки имеет место невыполнение пороговых условий (Табл. 4-6).

Табл. 4. Динамика фактического значения бюджетной субсидии (млрд руб)

Регионы РФ	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	51,847	55,620	60,633	68,107	78,580
Москва	19,206	21,923	20,348	20,477	22,876
Самарская область	0,621	0,602	0,693	0,879	0,917
Свердловская область	1,381	1,279	1,532	1,712	1,821
Хабаровский край	0,317	0,314	0,470	0,611	0,569
Еврейская авт. Область	0,012	0,012	0,017	0,038	0,036

Табл. 5. Расчетное пороговое значение бюджетной субсидии (млрд руб)

Регионы РФ	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	56,028	63,364	66,763	76,942	78,738
Москва	29,723	32,065	34,002	37,870	37,934
Самарская область	0,823	0,874	0,939	1,161	1,220
Свердловская область	1,728	2,100	2,227	2,378	2,460
Хабаровский край	0,506	0,595	0,602	0,655	0,716
Еврейская авт. область.	0,018	0,019	0,025	0,039	0,039

Табл.6. Доля фактической субсидии в ее пороговом объеме – Y^t (%)

Регионы РФ	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	92,5%	87,8%	90,8%	88,5%	99,8%
Москва	64,6%	68,4%	59,8%	54,1%	60,3%
Самарская область	75,4%	68,9%	73,8%	75,7%	75,1%
Свердловская область	79,9%	60,9%	68,8%	72,0%	74,0%
Хабаровский край	62,6%	52,8%	78,0%	93,2%	79,5%
Еврейская авт. Область	66,6%	65,2%	68,4%	96,8%	93,5%

Несмотря на общий рост субсидирования российских театров более чем в 1,5 раза за пять лет, ни в одном регионе и в целом по России пороговые условия не были достигнуты. Так, в Москве объем недофинансирования театров составил от 31,6% в 2016 г. до 45,9% в 2018 г.; Самарская область – от 24,3% в 2018 г. до 31,1% в 2016 г.; Свердловская область – от 20,1% в 2015 г. до 39,1% в 2016 г.; Хабаровский край – от 6,8% в 2018 г. до 47,2% в 2016 г.; Еврейская автономная область – от 3,2% в 2018 г. до 34,8% в 2016 г. При этом динамика недофинансирования (отношение фактической субсидии театрам к ее расчетному значению) и его величина по различным регионам свидетельствуют об отсутствии каких-либо тенденций, что не дает оснований для вывода о наличии системности в культурной политике (Табл. 6).

Сложившуюся ситуацию нельзя назвать удовлетворительной, вместе с тем следует различать масштаб проблемы в зависимости от рассматриваемой выборки объектов анализа. Предыдущие исследования на расширенной региональной выборке показывают, что в отдельных группах регионов средний уровень недофинансирования театров может достигать от 40% до 50% [Рубинштейн, Славинская, Бураков, 2026, с.220]. Это расхождение подтверждает, что усреднение по стране в целом или по крупным регионам маскирует очаговые, но серьезные диспропорции, которые генерируют риски дестабилизации театральной деятельности в отдельных субъектах РФ.

3.2. Театры Москвы

Целесообразно расширить анализ посредством рассмотрения второго примера, в котором рассматриваются государственные театры только одного региона – Москвы. При этом вместо пятилетней динамики средних показателей в данном случае проанализированы их конкретные значения по каждому московскому театру в отдельности в 2015 году. Важным аспектом такого анализа является выделение нескольких групп театральных организаций, отличающихся уровнем выполнения расчетных пороговых условий.

Первую группу составили театры, государственное финансирование которых превышает уровень пороговых значений. Вторую – театры, объем субсидирования которых на 10–30% ниже пороговых значений, но выше среднего уровня по Москве. Характеристика третьей группы театров – уровень финансирования отстает от пороговых значений на 36–50% и ниже среднего по Москве. Четвертая группа – остальные театры, которые оказались в ситуации значительного недофинансирования, бюджетная субсидия которых составляет менее 50% от порогового уровня (Табл. 7, Рис.2).

Табл.7. Фактическая и расчетная (пороговое значение) бюджетная субсидия (млн руб) и отношение фактической к расчетной (%)

Театры в 2015 году.	ФАКТ	РАСЧЕТ	ОТНОШЕНИЕ
Театры Москвы	19 205,7	29 010,3	66,2%
Государственный академический Малый театр России	2 103,8	891,8	235,9%
Московский театр "Современник"	402,4	197,5	203,8%
Государственный театр Наций"	462,4	236,5	195,5%
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова	392,4	224,2	175,0%
Государственный академический Большой театр России	4 458,2	3 396,2	131,3%
Московский государственный театр "Ленком Марка Захарова"	393,7	382,9	102,8%
Московский драматический театр имени К.С. Станиславского	234,2	260,7	89,8%
Московский академический театр сатиры	181,7	203,4	89,3%
Московский драматический театр на Малой Бронной	245,3	286,9	85,5%
Московский театр Олега Табакова	379,2	471,1	80,5%
Московский государственный академический театр оперетты	543,7	684,7	79,4%
МХАТ им. А.П. Чехова	580,4	748,6	77,5%
Академический молодежный театр"(РАМТ)	251,0	338,4	74,2%
Государственный театр "Сатирикон" им. Аркадия Райкина	195,6	284,4	68,8%
Московский театр "Мастерская П.Н. Фоменко"	213,8	336,0	63,6%
Московский театр на Таганке	164,9	286,9	57,5%
Академический центральный театр кукол им. С.В. Образцова"	219,9	384,4	57,2%
Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко	925,8	1716,3	53,9%
Московский театр "Новая опера" им. Е.В. Колобова	652,5	1266,4	51,5%
Московский театр "ЕТ СЕТЕРА" п/р А. Калягина	194,3	378,8	51,3%
Остальные 56 московских театральные организации			

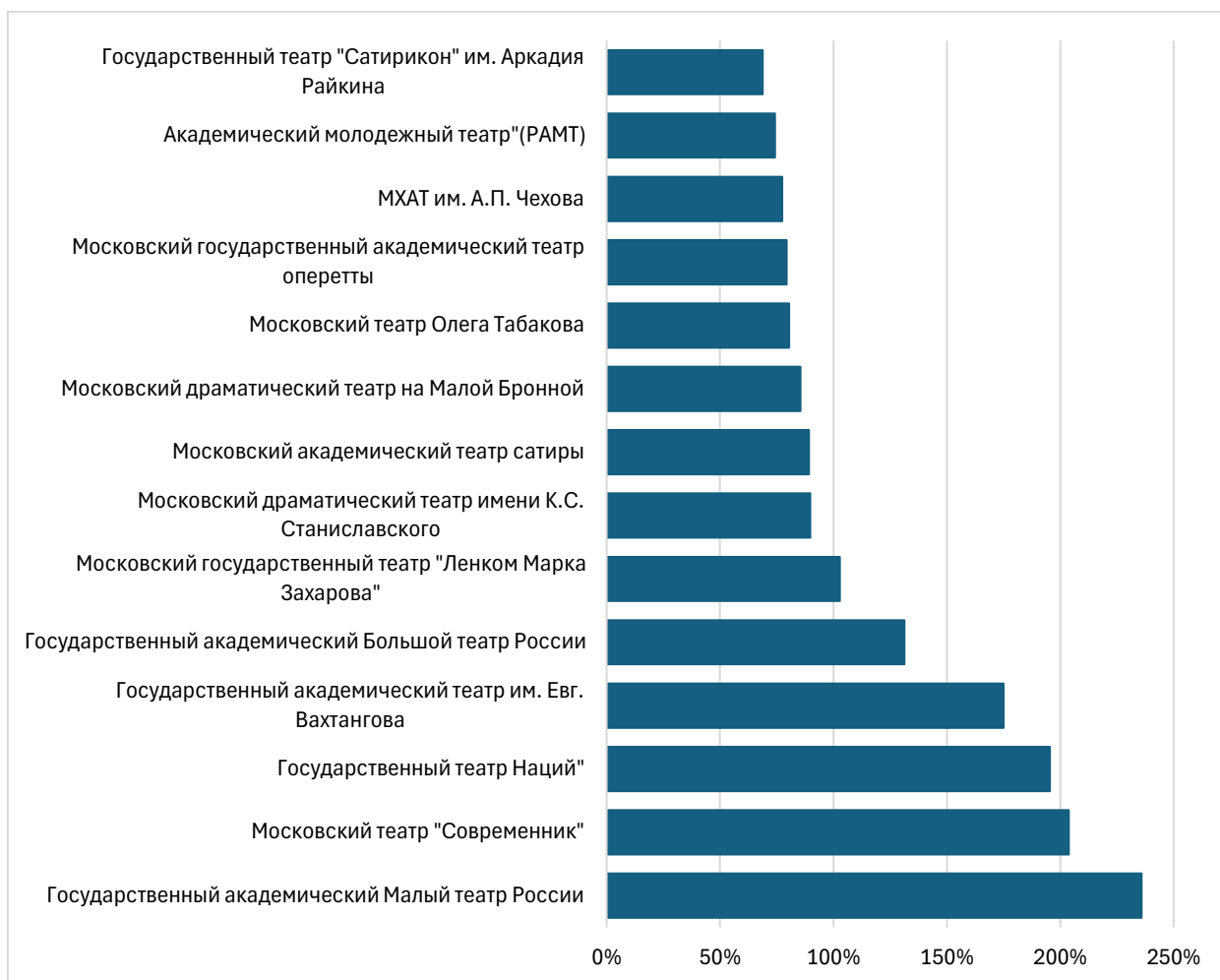

Рис.2. Отношение фактического объема бюджетной субсидии к ее пороговому уровню в Москве в 2015 году (%)

В первую группу вошли 6 театров, во вторую – 8, в третью – 6. В четвертую – остальные 56 театральных организаций. Результаты расчетов демонстрируют неоднородную ситуацию, которая сложилась в театральной Москве в 2015 г. Почти три четверти московских театров (56 организаций из 76, четвертая группа) оказались в тот год в положении экономической недостаточности. В подобных обстоятельствах руководители театров вынуждены искать другие источники дохода (не связанные с основной деятельностью), идти на творческие компромиссы и кадровые потери, ухудшение репертуарной политики и снижение качества театральной продукции, что, в том числе, закрепляет административную зависимость в условиях «бюджетной ловушки», генерируя риски неустойчивости театральной деятельности.

На этом фоне особый интерес вызывает первая группа, состоящая из шести театров, фактический уровень бюджетного финансирования которых превышает пороговые значения (Табл. 7). Анализ статистических данных указывает также на тот факт, что культурная политика в московском регионе либо целенаправленно исходит из необходимости дифференцированного подхода к бюджетному финансированию театральных организаций, либо, что более вероятно, это стало результатом *отсутствия стандартной процедуры* определения объема субсидии, что оставляет пространство для субъективных решений учредителя.

Следует отметить, что в 2015 году театры первой группы объективно различались по творческому составу, репертуарной политике и публичной известности. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, в частности, что превышение фактического финансирования порогового уровня (в среднем на 54%) отражает сформировавшиеся в прежние годы или обусловленные текущим моментом, *ожидания субъектов общественного выбора* экономической отдачи ментального прогресса – последствий потребления благ, созданных указанными театрами в Москве. Важно подчеркнуть, что формула определения пороговых значений субсидии $\{S_K^t(TV) = (W_E^t / R_E^t) R_K^t - D_K^t\}$, в основе которой лежит «принцип эквивалентности», остается неизменной.

Любые отклонения фактической субсидии от ее пороговых значений обусловлены оценкой отдачи ментального прогресса, вклад в которую конкретных производителей театральных благ устанавливается в процессе общественного выбора. Иначе говоря, если индекс $Y^t = S^t(M) / S^t(TV)$ для большинства московских театров оказался меньше единицы, то это указывает либо на провал общественного выбора (недооценка ментального прогресса и сокращение субсидий ниже порогового уровня), либо на подмену общественного выбора субъективным решением органа власти.

3.3. Гуманитарный сектор

За прошедшие годы после открытия «болезни издержек» ей были посвящены, как уже отмечалось, многочисленные теоретические исследования и статистические анализы. В начале нового столетия наблюдался определенный ренессанс теории Баумоля, связанный с расширением границ ее применения на сферы образования [Neck, Getzner, 2007] и здравоохранения [Pomp, Vujic, 2008], другие виды услуг [Fernandez, Palazuelo, 2012], а также макроэкономические исследования [Nordhaus, 2008].

В этой связи можно предположить, что феномен «бюджетной ловушки», являющийся результатом нарушения динамического равновесия в институциональной метасистеме «власть – бизнес – общество», обнаруженный в сфере культуры, может формироваться и в других отраслях гуманитарного сектора – науке, образовании и здравоохранении, организации которых также подвержены «болезни текущих доходов». Данное допущение основано на гипотезе о том, что используемые в сфере культуры модели «вдохновитель», «патрон», «архитектор», «инженер», отражающие конфигурацию соотношения рынка и государства, применимы и к анализу деятельности всего гуманитарного сектора. С учетом этого следует ожидать, что в условиях доминирования авторитарной модели управления учреждения данного сектора также попадают в административную зависимость, формирующую «бюджетную ловушку».

Переход от теоретического исследования к эмпирическим расчетам в рамках данного исследования преследует цель протестировать предложенные концепты – «бюджетную ловушку» и «индикатор ментального прогресса», «принцип эквивалентности» и «пороговые условия» финансирования организаций гуманитарного сектора – на реальных данных крупнейшего мегаполиса России. Верификация этих конструкций необходима для подтверждения гипотезы о том, что финансовая архитектура гуманитарного сектора подчиняется

единым закономерностям, независимо от специфики конкретной отрасли – будь то наука, образование, культура или здравоохранение.

Для проверки данной гипотезы применяются указанные выше формулы и соответствующая исходная информация для определения пороговых значений по четырем отраслям гуманитарного сектора. В качестве примера рассматриваются государственные учреждения данного сектора: академические институты, высшие учебные заведения, организации культуры и здравоохранения, функционирующие в Москве в 2015 и 2023 годах.

Проведение таких расчетов сопряжено со значительными практическими трудностями, обусловленными спецификой российской статистики и ее информационной доступностью. При этом ведомственный мониторинг и данные ФСН: указанные специализированные формы по труду и кадрам обеспечили возможность вычленить численность именно «основного» персонала (научные сотрудники, профессорско-преподавательский состав, творческие кадры, медицинский персонал), непосредственно обеспечивающего ментальный прогресс (Табл. 8–11)¹¹.

Представленные в таблицах 8–11 исходные и расчетные данные, характеризующие отдельные отрасли гуманитарного сектора, позволяют выполнить более глубокий анализ, базирующийся на использовании специальных показателей. Речь идет о четырех указанных выше показателях: Y^t , FPI^t , RWI^t , WSR^t . Расчеты, выполненные на основе указанных индексов, приведены в следующей итоговой таблице (Табл. 12).

¹¹ Статистической базой исследования послужили агрегированные данные форм федерального статистического наблюдения (ФСН), аккумулированные в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) и специализированных мониторингах профильных министерств (Минобрнауки РФ и Минкультуры РФ). Использование данных форм обеспечивает верифицируемость расчетов, так как они являются первичным источником для формирования государственной статистической отчетности. В процессе сбора и верификации исходных данных использовались алгоритмы искусственного интеллекта (в частности, модель Gemini 1.5 Pro).

Табл.8. Фактические и расчетные показатели академических институтов, функционирующих в Москве в 2015 и 2023 гг.

Показатели	АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА Москвы	2015 год	2023 год
W_M	ВРП Москвы (млрд руб)	13 500,0	32 300,0
R_M	Численность работников Москвы (млн чел)	7,1	7,25
P_M	Производительность труда (млн руб / 1 чел.)	1,901	4,455
R	Численность научных работников (тыс. чел)	19,4	16,7
Z	Средняя зарплата (тыс. руб)	51,7	160,3
$S(M)$	Фактическая субсидия (млрд руб)	24,8	58,6
D	Внебюджетные доходы (млрд руб)	6,1	21,4
$S(TV)$	Расчетная субсидия (млрд руб)	30,8	53,0
Y	Доля фактической субсидии в расчетной (%)	82,0%	110,1%

Табл.9. Фактические и расчетные показатели государственных ВУЗов, функционирующих в Москве в 2015 и 2023 гг.

Показатели	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ МОСКВЫ	2015 год	2023 год
W_M	ВРП Москвы (млрд руб)	13 500,0	32 300,0
R_M	Численность работников Москвы (млн чел)	7,1	7,25
P_M	Производительность труда (млн руб / 1 чел.)	1,901	4,455
R	Численность ППР (тыс. чел)	63,8	46,2
Z	Средняя зарплата (тыс. руб)	71,2	165,4
$S(M)$	Фактическая субсидия (млрд руб)	82,3	145,6
D	Внебюджетные доходы (млрд руб)	38,2	74,8
$S(TV)$	Расчетная субсидия (млрд руб)	83,1	131,0
Y	Доля фактической субсидии в расчетной (%)	99,4%	111,2%

Табл.10. Фактические и расчетные показатели госучреждений культуры, функционирующих в Москве в 2015 и 2023 гг.

Показатели	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	2015 год	2023 год
W_M	ВРП Москвы (млрд руб)	13 500,0	32 300,0
R_M	Численность работников Москвы (млн чел)	7,1	7,25
P_M	Производительность труда (млн руб / 1 чел.)	1,901	4,455
R	Численность работников (тыс. чел)	36,1	31,8
Z	Средняя зарплата (тыс. руб)	45,2	118,6
$S(M)$	Фактическая субсидия (млрд руб)	41,2	78,5
D	Внебюджетные доходы (млрд руб)	12,9	38,7
$S(TV)$	Расчетная субсидия (млрд руб)	55,7	103,0
Y	Доля фактической субсидии в расчетной (%)	73,9%	75,7%

Табл.11. Фактические и расчетные показатели государственных учреждений здравоохранения функционирующих в Москве в 2015 и 2023 гг.

Показатели	УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ МОСКВЫ	2015 год	2023 год
W_M	ВРП Москвы (млрд руб)	13 500,0	32 300,0
R_M	Численность работников Москвы (млн чел)	7,1	7,25
P_M	Производительность труда (млн руб / 1 чел.)	1,901	4,455
R	Численность основного медперсонала (тыс. чел)	118,8	123,2
Z	Средняя зарплата (тыс. руб)	69,3	141,4
$S(M)$	Фактическая субсидия (млрд руб)	21,4	64,6
D	Внебюджетные доходы (млрд руб)	117,1	341,2
$S(TV)$	Расчетная субсидия (млрд руб)	52,1	105,3
Y	Доля фактической субсидии в расчетной (%)	133,0%	134,3%

Табл. 12. Итоговые характеристики гуманитарного сектора

ПОКАЗАТЕЛИ	ГОДЫ	ЗДРАВООХРАНЕНИЕ	ВУЗЫ	АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ	КУЛЬТУРА
Y (%)	2015	133,0%	99,4%	82,0%	73,9%
	2023	134,3%	111,2%	110,1%	75,7%
FPI ^t (ед)	2015	0,231	0,685	0,835	0,812
	2023	0,192	0,636	0,712	0,727
RWI (ед)	2015	0,036	0,037	0,027	0,024
	2023	0,032	0,037	0,036	0,027
WSR (ед)	2015	0,411	1,079	1,242	1,098
	2023	0,269	0,631	0,457	0,480

Интегрированный сравнительный анализ четырех секторов гуманитарной сферы Москвы (2015–2023 гг.) позволяет не только проверить предложенную методологию, но и выявить глубокие структурные сдвиги в финансировании творческого труда.

Взаимосвязь показателей. Методология подтверждает свою устойчивость: FPI^t (индикатор ментального прогресса) и Y (индекс недофинансирования) работают в противофазе или дополняют друг друга, описывая адаптацию отраслей к «болезни Баумоля». Фактор ментального прогресса FPI^t демонстрирует снижение индикатора во всех четырех секторах к 2023 году, что может сигнализировать о коммерциализации производства общественно значимых благ.

Однако наиболее «ментально нагруженными» (зависимыми от общественных инвестиций) остаются Культура (0,727) и Академическая наука (0,712). Динамика индекса недофинансирования наглядно разделяет отрасли на «приоритетные» (Наука, ВУЗы), где финансирование превышает расчетную потребность ($Y > 110\%$), и «дефицитные» (Культура), где покрытие задело на уровне 75,7%.

Отраслевые особенности и профили отраслей. На основе сочетания четырех индексов за 2023 год можно сформировать уникальные профили каждой отрасли. Академическая наука демонстрирует самую высокую динамику. Рост RWI (с 0,027 до 0,036) произошел на фоне резкого увеличения бюджетного финансирования Y (с 82% до 110,1%). Это показательный пример того, как увеличение бюджетных ассигнований конвертируется в повышение относительной привлекательности оплаты творческого труда.

Высшее образование демонстрирует идеальное соответствие модели. При стагнации относительной зарплаты (RWI = 0,037), государство обеспечило «финансовую подушку» ($Y = 111,2\%$), что позволило сектору пройти период оптимизации без потери социальной устойчивости. Культура с самым высоким социальным значением (FPI^t) остается в зоне финансового риска. Низкий уровень индекса Y (75,7%) предопределяет и низкий уровень RWI (0,027). Оплата творческого труда здесь в наименьшей степени коррелирует с теоретически необходимой «ценой» ментального прогресса.

Здравоохранение обладает самым низким FPI^t (0,192). Это означает, что доля прямых бюджетных субсидий в совокупных доходах отрасли невелика. Однако интерпретировать это как «рыночность» было бы неверно: основной источник внебюджетных доходов здесь – средства обязательного медицинского страхования (ОМС), которые по своей природе являются государственными (квазирыночными), а не частно-рыночными. Тем не менее значительное превышение фактического прямого бюджетного финансирования над расчетным уровнем ($Y = 134,3\%$) свидетельствует о том, что государство через систему ОМС и дополнительные бюджетные трансферты обеспечивает финансирование сверх минимально необходимого уровня, рассчитанного по принципу эквивалентности.

Основные тенденции (2015–2023 гг.) Анализ временного интервала позволяет выделить три магистральных тренда. Снижение прямой зарплатной нагрузки на бюджет (WSR): во всех секторах этот индекс упал более чем вдвое (в науке – с 1,242 до 0,457, в культуре – с 1,098 до 0,480). Это означает, что субсидии перестали быть «кассой для выдачи зарплат» и стали инструментом развития, в то время как фонд оплаты труда теперь активно формируется за счет внебюджетных доходов.

Поляризация «ментальных инвестиций». Государство сконцентрировало ресурсы на отраслях с высоким научно-технологическим потенциалом (наука, вузы), выведя их из зоны дефицита ($Y > 100\%$). Сектор культуры при этом остался недофинансированным в «бюджетной ловушке». Конвергенция уровней оплаты – произошло выравнивание (RWI) между наукой и образованием при сохранении существенного отставания культуры.

Выполненное тестирование подтвердило, что методология адекватно описывает реальность. Ключевой вывод для финансовой архитектуры гуманитарного сектора заключается в том, что в Москве сложилась асимметричная модель финансирования гуманитарного сектора. Если наука и образование получили импульс для развития через избыточное (относительно модели) субсидирование, то культура функционирует в условиях жесткого бюджетного ограничения, что сдерживает темпы «ментального прогресса», формируемого культурной деятельностью и непосредственно потреблением культурных благ.

Оценивая общие результаты выполненных расчетов, следует все же подчеркнуть их «приблизительный характер». При довольно большом объеме выполненной работы по сбору необходимой информации ее качество и определенность оставляют желать лучшего, что объясняется, как уже отмечалось, закрытостью ряда важных данных и несогласованностью различных информационных источников. С учетом этого результаты эмпирического анализа имеет

смысл рассматривать исключительно с позиций тестирования предложенной методологии исследования и получения «грубых» оценок особенностей различных отраслей гуманитарного сектора, организации которого представляют, по существу, главных производителей товаров и услуг, обеспечивающих «ментальный прогресс».

В целом же, в качестве одного из итогов выполненного исследования можно сделать вывод о том, что предложенные в докладе теоретико-методологические основы формирования государственной культурной политики являются в первом приближении общими для всех отраслей гуманитарного сектора экономики. Разработка же конкретных рекомендаций для каждой из них представляет собой задачу ближайших исследований, где потребуются, в том числе, создание отраслевых методик расчета пороговых значений бюджетных субсидий с учетом «ментального прогресса», оценок человеческого капитала и нематериальных активов, а также особенностей каждой части гуманитарного сектора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в рамках настоящего исследования анализ институциональных моделей и экономических механизмов государственного управления культурой позволяет сформулировать ряд теоретических и прикладных выводов, имеющих значение как для развития научного дискурса, так и для совершенствования практики культурной политики в России.

1. Отраслевой взгляд на культуру как на сферу услуг, обеспечивающих досуг населения, или просто как на совокупность бюджетных учреждений, с позиций современной культурной политики окончательно исчерпал свою целесообразность.

2. Выполненный анализ раскрыл институциональные связи моделей культурной политики с моделями государственного управления и продемонстрировал сложный гибридный характер российской культурной политики, в котором доминирующая автократическая модель управления сочетается с элементами социально ориентированного «архитектора». Основной же вектор культурной политики России, как показал анализ, смещается к модели «инженера» с ее жесткой централизацией, идеологическим контролем и подменой интересов общества ведомственными установками. В этом контексте предлагаемая финансовая модель, основанная на принципе эквивалентности, является необходимым, но не достаточным условием для перехода к модели «патрона» или сбалансированной делиберативной системе управления.

3. К важным теоретическим результатам исследования относится релятивистская интерпретация «Закона Баумоля» и его переопределение в качестве «болезни текущих доходов». Такая трактовка известной закономерности позволила с иных позиций подойти к анализу особенностей современной культурной политики и разработке основных направлений институционального реформирования культуры.

4. Ключевым вкладом в методологию исследований культурной политики, определяющим ее новизну и оригинальный характер, является использование в рамках Теории общественного выбора стратегии «второго лучшего», направленной на минимизацию негативных аспектов в условиях деятельности организаций культуры. Важным следствием такого подхода стало создание методики и конкретных алгоритмов определения «пороговых условий» – нижней границы государственного финансирования в сферах культуры, науки, образования и здравоохранения, нарушение которых чревато рисками дестабилизации гуманитарного сектора экономики.

5. В докладе введен ряд принципиально новых категорий, существенно расширяющих возможности и спектр исследований функционирования гуманитарного сектора, специфическая особенность которого обусловлена превалированием в нем творческого труда. К ним относятся:

- феномен «*бюджетной ловушки*», формирующийся в рамках модели «инженер» в результате попадания учреждений культуры в административную зависимость от учредителя с утратой творческого суверенитета;
- теоретическое обоснование «*принципа эквивалентности*», обеспечивающего построение модели субсидии, свободной от субъективизма бюрократии;
- категория «*ментального прогресса*» и измерение «*индикатора ментальности*» (FPI) применительно к культурной деятельности с возможностью распространения на все отрасли гуманитарного сектора;
- *модель субсидии* для организаций культуры, основанная на принципе эквивалентности и пороговых условиях государственного финансирования.

6. Предложенные в работе стратегия «второго лучшего» и «пороговые условия» финансирования, построенные с учетом комбинации техниче-

ского и ментального прогресса, создают теоретический фундамент для обеспечения институциональной автономии учреждений культуры. Реализация данного подхода станет важным шагом на пути к превращению культуры из «затратной статьи» в реальный фактор национального развития и социальной консолидации.

7. Проведенное исследование позволяет выйти за рамки собственно культурной политики и сделать обобщение более высокого уровня. Феномен «бюджетной ловушки», рассмотренный на примере организаций культуры, представляет собой частный случай более общей закономерности, характерной для всего гуманитарного сектора экономики. Учреждения науки, образования и здравоохранения, также подверженные «болезни текущих доходов», в условиях автократической модели государственного управления неизбежно сталкиваются с аналогичной административной зависимостью.

8. Представленная в докладе эмпирическая часть, направленная на тестирование теоретических конструкций, выполнена на основе статистических данных за 2015–2019 и 2015–2023 гг. Полученные количественные оценки (индексы Y, FPI, RWI, WSR) следует рассматривать как демонстрацию работоспособности методологии, а не как окончательные нормативы. Они чувствительны к выборке, способам учета внебюджетных доходов и качеству исходных статистических данных. Для принятия управленческих решений необходимы расширенные исследования на более актуальных и детализированных данных, а также пилотные апробации формулы субсидии в отдельных регионах.

9. На основе выполненного анализа может быть предложен следующий минимальный набор шагов по совершенствованию культурной политики:

- *Переход от сметного финансирования к нормативному* на основе формулы (3), что позволит рассчитывать субсидию автоматически, исходя из

численности занятых и средней производительности по экономике, снижая административный произвол.

- *Внедрение обязательной публичной независимой экспертизы при распределении грантов и субсидий сверх порогового уровня (движение к принципу «вытянутой руки»).*

- *Запуск пилотного проекта в 2–3 регионах (например, в Москве, Свердловской области и Хабаровском крае) по апробации предложенного алгоритма для театральных организаций с последующим мониторингом динамики индекса FPI и показателей творческой автономии.*

Реализация даже первых двух рекомендаций потребует изменения ведомственных нормативных актов, но не противоречит действующему законодательству. Предложенная теоретико-методологическая рамка – от типологии моделей управления до стратегии «второго лучшего», механизма порогового финансирования и ментального прогресса – открывает перспективу для формирования единой, институционально согласованной политики государства в гуманитарной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. А. Зарубежный опыт государственного регулирования сферы культуры // Народонаселение. – 2011, № 3. – С. 58–69

Астафьева О. Н. Государственная культурная политика в системе национальной безопасности: ценностные основания и стратегические приоритеты // Обсерватория культуры. – 2024. Т. 21, № 2. – С. 112–125.

Астафьева О. Н. Государственная культурная политика: теоретические основания и современные практики // Государственная служба. – 2011b, № 4. – С. 81–86.

Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретические основания и современные модели // Культурологический журнал. – 2011a, № 1(3). – С. 1–17.

Аузан А. А. (2014). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 160 с.

Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние нации / А. А. Аузан. – Москва : АСТ : Corpus, 2022. – 160 с.

Аузан А.А., Брызгалин В.А., Никишина Е.Н., Ставинская А.А. Измерение культурного кода компании: теория, эмпирика, применение // *Вопросы экономики.* 2025a; (12):74-96

Аузан, А. А. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория : учебник для вузов / А. А. Аузан. – 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 427 с.

Аузан, А. А. Стратегия долгосрочного развития: роль социокультурных факторов и институциональных ограничений / А. А. Аузан, В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина, А. А. Ставинская. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2025b. — 288 с.

Востряков Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели : учебное пособие – СПб: Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012. – 162 с.

Востряков Л. Е. Модели государственной культурной политики: зарубежный опыт // Государственная служба. – 2011, № 3. – С. 83–86.

Востряков, Л. Е. Субъекты культурной политики в региональном пространстве: сетевое взаимодействие и новые управленческие модели / Л. Е. Востряков // Управленческое консультирование. – 2024. № 6. – С. 94–105.

Каменец А. В. Модели культурной политики в современном мире // Вестник МГУКИ. – 2015. № 5 (67). – С. 83–88

Капелюшников Р. И. Еще раз - о теореме Коуза: (Критические заметки) / Капелюшников Ростислав Исаакович // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2006. – № 6. – С. 104-111

Куренной В. А. Философия и культурная политика // *Логос.* – 2012. № 2 (86). – С. 13–35.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; науч. ред. пер. А. Куманев. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.

Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / пер. с англ. Н. Гайнуллиной; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 448 с.

Рубинштейн А. (2025). Новая экономическая теория государства // *Мир перемен.* 2025. № 2, с.56-84.

Рубинштейн А. Я. Введение в экономику исполнительского искусства. – М.: Союзтеатр, 1991. – 382 с.

Рубинштейн А. Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // *Общественные науки и современность,* – 2009, N2, с.138-150.

Рубинштейн А. Я., Славинская О. А., Бураков Н. А. (2026). Новая парадигма бюджетного финансирования опекаемых благ гуманитарного сектора: региональный аспект // *Экономика региона,* 22(1), 220–234.

Рубинштейн А.Я. О Государственном финансировании. Гл. 2. / в «Гуманитарный сектор патерналистского государства» под ред. А.Я. Рубинштейна. – СПб., Алетейя, 2023. – 300 с.

Рубинштейн А.Я. Общая теория опекаемых благ. – СПб.: Алетейя, 2024а. – 432с.

Рубинштейн А.Я. (2024б). Социальная организация государства: проблема сбалансированности // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 4 (65), с.196–217

Рубинштейн А. Я. Релятивистские основания общей концепции равновесия (Препринт научного доклада) – М., ИЭ РАН, 2026а. – 75 с

Рубинштейн А.Я. Релятивистские основания новой модели рыночного равновесия. // *Вопросы экономики.* 2026б; (2): 52-77.

Сен А. Идея справедливости / Амартия Сен; пер. с англ. Д. Куницына; под ред. И. Борисовой. – Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. – 528 с.

Смотрицкая И.И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. № 4 (61). – С. 246-252.

Смотрицкая И.И. Современные тенденции в развитии концепции государственного управления // Общество и экономика. – 2024. № 10. – с.5-16.

Стиглиц Д. Ю. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху недовольства / пер. с англ. В. Ионов; под ред. Е. Бучиной. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 430 с.

Хайек, Ф. А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма / Ф. А. Хайек ; пер. с англ. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Куряева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с. (Серия «Консервативная мысль»).

Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал : Пер. с англ. / Дж. Р. Хикс ; Общ. ред. и вступ. ст. Р. М. Энтова. – Москва: Прогресс, 1993. – 493с.

Akerlof G. A. (1970). The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism. // *The Quarterly Journal of Economics*, 84(3), pp. 488-500.

Arrow, K. J. (1963). Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care // *The American Economic Review*, 53(5), pp. 941-973.

Baumol W. J., & Bowen W. G. (1966). Performing Arts: The Economic Dilemma. New York: Twentieth Century Fund.

Baumol W. J., & Oates W. E. (1988). The Theory of Environmental Policy (2nd ed.). Cambridge: University Press.

Berleant A. (1998). The Aesthetics of Environment / A. Berleant. – Philadelphia: Temple University Press. – 218 p.

Berleant A. The universality of aesthetics // *Re-thinking Aesthetics: Rogue Essays* / A. Berleant. – Aldershot: Ashgate, 2004. – P. 83–96

Bourdieu P. (1991). Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bourdieu P. *The Forms of Capital* // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. G. Richardson. – New York: Greenwood Press, 1986. – P. 241–258

Buchanan J. M. (1949). The Pure Theory of Government Finance: A Suggested Approach. // *Journal of Political Economy*, 57(6), pp. 496-505.

Buchanan J. M., Musgrave R. A. (1999). Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State. Cambridge, MA: MIT Press.

Buchanan J. M., Tullock G. (1962). The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Chartrand, H. H., & McCaughey, C. (1989). The arm's length principle and the arts: an international perspective – past, present and future. In M. C. Cummings & J. M. D. Schuster (Eds.). Who's to Pay for the Arts? The International Search for Models of Support (pp. 43–80). American Council for the Arts.

Coase, R. H. (1960). The Problem of Social Cost. The Journal of Law and Economics, 3, 1–44.

Cultural Economics: (proceedings of the Sixth International Conference on Cultural Economics, held in Sweden in June 1990) / edited by Ruth Towse and Abdul Khakee. – Berlin; Heidelberg; New York [etc.]: Springer-Verlag, 1992. – 287 p.

Fernandez R., Palazuelo E. European Union Economies Facing «Baumol's Disease» within the Service Sector, JCMS: Journal of Common Market Studies, Volume 50, Issue 2, pp. 231–249, March 2012.

Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – New York: Basic Books, 2002. – 404 p.

Frey B. S. Arts & Economics: Analysis & Cultural Policy. 2nd ed. Berlin – New York: Springer, 2003. – 246 p.

Ginsburgh A., Throsby D (eds.) Handbook on the Economics of Art and Culture, 2006, North-Holland. is an imprint of Elsevier.

Heilbrun J. (2003). «Baumol's cost disease, in A handbook of cultural economics. Edward Elgar, pp. 91-101.

Hicks J. R. (1939). The Foundations of Welfare Economics. // The Economic Journal, 49(196), 696–712.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed: / Geert Hofstede. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 598 p.

Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival (3rd ed.). New York, NY: McGraw-Hill. – 576 p.

Inglehart R. Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World / Ronald Inglehart. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 273 p.

Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart, Christian Welzel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

Inglehart R., & Welzel C. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press.

Kaldor N. (1939). Welfare Propositions of Economics and Interpersonal Comparisons of Utility. *The Economic Journal*, 49(195), 549–552.

Lipsey R.G., Lancaster K. (1956). The General Theory of Second Best // *The Review of Economic Studies*. Vol. 24, No. 1, pp. 11–32

Lucas R. Expectations and the Neutrality of Money // *Journal of Economic Theory*. – 1972. – № 4. – P. 103–124

Marshall Alfred. Principles of Economics (8th edition). London. Macmillan and Co. 1920 - 871 p.

Neck R., Getzner M. (2007). «Austrian Government Expenditures: “Wagner's Law” Or “Baumol's Disease”»? *International Business & Economics Research Journal (IBER)*; Vol 6, No 11, P. 49-66.

Niskanen, W. A. (1971). Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine-Atherton.

Nora P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Memoirs. *Representations*, 26, pp.7–24.

Nordhaus W. (2008) "Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective," *Contributions to Macroeconomics*, Berkeley Electronic Press, vol. 8(1)

Nye J. S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs.

Olson, M. (1965). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press.

Olson, M. (1982). The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Yale University Press.

Pomp M., Vujic S. Rising health spending, new medical technology and the Baumol effect, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, December 2008

Rubinstein A.J. Issues of Price and Subsidy in the Arts in The U.S.S.R. Akron, USA, *Journal of Cultural Economics*, Volume 11, N2, 1987, – P. 53–64. – DOI: 10.1007/BF02267500

Rubinstein, A. On the economics of the performing arts in the Soviet Union and the USA: a comparison of data / A. J. Rubinstein // *Journal of Cultural Economics*. – 1992. – Vol. 16, No. 2. – P. 1–11. – DOI: 10.1007/BF02275971

- Rubinstein, A., Baumol, W., & Baumol, H.* (1992). On the Economics of the Performing Arts in USSR and the USA: Preliminary Comparison of the Data. In R. Towse & A. Khakee (Eds.), *Cultural Economics* (pp. 221-236). Springer-Verlag
- Schwarz S., Greenfield H.J.* The Facts First: A Reply to Baumol and Baumol. *Journal of Cultural Economics*. 5:2 (December 1981), p. 85-87.
- Sen A.* (2002). *Rationality and Freedom*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 790 p.
- Sen A.* (2009). *The Idea of Justice*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 467 p.
- Throsby D.* Cultural Capital // *Journal of Cultural Economics*. – 1999. Vol. 23 (1). – P.3–12.